

ГОРОД НА ЖИВОМ МОРЕ

Диана Эверли

Город на живом море

<https://litres.ru/74688229>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе у живого моря имена способны удерживать дамбы. Но если имя забрано без согласия, человек может исчезнуть из чужой памяти, словно его никогда не было.

Восемь лет назад пропала сестра реставратора Веи. Когда море возвращает её имя на стёртой медной пластине, Вея впервые получает след, который может привести к правде. Помочь ей способен Мирен — сборщик долгов, служащий тем, кого она подозревает в исчезновении сестры.

Пока прилив поднимается, вынужденным союзникам предстоит раскрыть цену городской защиты. Вея готова рискнуть всем ради сестры, но сможет ли она довериться человеку, чья подпись связана с её исчезновением?

Содержание

Глава 1. имя в соли	5
Глава 2. долг города	23
Глава 3. те, кого помнят	37
Глава 4. вода приходит раньше	56
Глава 5. опись	75
Глава 6. кладовая весов	93
Глава 7. пепел	110
Глава 8. дом смотрителя	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Диана Эверли

Город на живом море

Город на живом море

Роман

Глава 1. имя в соли

В день, когда море вернуло Вее имя её сестры, рыбы плыли по улице против течения.

Они шли упрямой серебряной стаей сквозь воду, оставшуюся после прилива, обходили тележки с водорослями и сворачивали к лестнице Рынка Молчания. Мальчишки ловили их корзинами, пока дежурный хранитель не ударил колоколом: рыбу, пришедшую с внешней стороны дамбы, трогать запрещалось. В каждой жабре мог застрять чужой голос.

Вея стояла у окна мастерской и наблюдала, как одна из рыб бьётся в сетке. Колокол звонил четвёртый раз, но мальчишка не отпускал добычу. Он был босой, в куртке с рукавами разной длины; с таким видом не слушают колоколов, потому что дома ждут голодные.

— Вынь, — сказала Вея ученику.

Тим поднял голову от стола.

— Что?

— Рыбу из сетки. И отнеси ему хлеб. Он с утра в воде.

— Если хранитель увидит, что я к ней прикоснулся...

— Возьми щипцы для угля. А если в ней голос, пусть скажет спасибо.

Тим поворчал, но выбежал. Вея снова посмотрела на свёрток, принесённый ей утром водолазом. Соль на мешковине не высохла, хотя свёрток лежал возле печи с рассвета. Такое

случалось с вещами из глубокой воды: море ещё не решило, отдать их или вернуть себе.

Она развернула ткань. Внутри находилась медная дощечка с шестью круглыми отверстиями. Когда-то в них вставляли стеклянные бусины, чтобы отличать одну дощечку от другой на ощупь. Теперь в отверстиях лежала тьма, густая, как чернила.

Имя на меди стёрли. Вея видела следы ножа: быстрые, сердитые полосы. Но под ними оставалась тонкая борозда, прорезанная первой рукой. Извлечь написанное не составляло труда. Вопрос был в том, стоило ли.

Её мать говорила: всякое возвращённое имя открывает дверь. Прежде чем повернуть ключ, посмотри, кто ждёт по другую сторону.

Мать давно умерла, но её голос Вея слышала чаще собственного. За это ей не нужно было платить морю: только помнить.

Кто-то осторожно постучал в дверь мастерской. Вея накрыла дощечку мешковиной прежде, чем успела подумать зачем. На пороге стояла девочка с мокрыми волосами и свёртком под мышкой. Её плащ был слишком велик, застёгнут на одну пуговицу и перевязан бечёвкой.

— Вы ещё принимаете? — спросила она.

— Смотря что нужно.

— Спасти книгу.

Девочка положила свёрток на край стола. Из ткани потек-

ла вода. Внутри лежала небольшая книга в синем переплёте; страницы распухли, между ними застряли песок и длинная зелёная водоросль.

— Откуда она?

— Из нашей кухни.

— В кухне водоросли?

— Сегодня да. Вчера было сухо.

Вея раскрыла книгу. На внутренней стороне обложки карандашом был нарисован круглый дом с трубой, а у двери — человек размером почти с крышу. Лицо ему не нарисовали. Дальше шли записи: даты, имена, суммы, несколько коротких замечаний. Домовая книга или семейная тетрадь.

— Когда намокла?

— Ночью. Я проснулась, а она плавает возле кровати. Я выловила и положила на печь. Мама сказала, что печь разожжёт, и я принесла вам.

— Правильно сделала. На горячей печи страницы слипнутся.

— Вы сможете её починить?

— Постараюсь. Мне нужно знать, кто хозяин и что в ней важнее всего сохранить.

Девочка указала на рисунок.

— Это я рисовала.

— Значит, ты одна из хозяев. А остальные?

— Мама. Брат. И ещё...

Она остановилась. Вея ждала, не подсказывая. Девочка

провела пальцем по мокрой обложке.

— Ещё кто-то есть. Мама каждое утро ставит четыре чашки. А потом одну убирает. Я спросила, почему, а она сказала, что привыкла.

Книга лежала между ними. Вода собиралась у корешка. Вея взяла чистый нож, осторожно отделила первые страницы и вложила между ними тонкую сухую бумагу.

— Как тебя зовут?

— Зоя.

— Зоя, если я найду в книге имя, которое вы не помните, кому рассказать?

— Мне.

— А мама согласна, чтобы ты принесла её?

— Я ей сказала, что пойду.

— Что она ответила?

— Сказала, не трать последние деньги. А я деньги не трачу, у меня их нет.

Вея посмотрела на неё поверх очков.

— Ты умеешь отвечать точно на вопрос, который тебе не задавали.

— Мама тоже так говорит.

— Твоя мама права. Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— Книгу можно просушить. Это займёт время. Но прежде чем читать ваши записи, мне нужно разрешение взрослого, которому она принадлежит.

Зоя нахмурилась.

— Если мы будем ждать, она испортится.

— Поэтому я начну сушить сейчас. А читать не буду, пока не договоримся.

— А если имя само попадётся вам на глаза?

— Такое может случиться. Я не буду его искать и никому не расскажу без вашего разрешения.

Девочка постояла, обдумывая это различие.

— А рисунок вы сохраните?

— Он карандашный, ему вода повредила меньше. Если не тереть, должен остаться.

— Хорошо. Я приведу маму.

Она направилась к двери, но вдруг остановилась и вернулась.

— На четвёртой чашке отколота ручка. Папа говорил, что её нельзя выбрасывать, потому что из неё вкуснее чай.

— Значит, четвёртая чашка папина?

— Папа пил из жёлтой. А из этой кто-то другой. Он про неё говорил, когда я была маленькой.

Зоя ушла, оставив за собой след мокрых ног. Вея подложила под книгу ткань, отделила ещё несколько листов. На одном виднелся отпечаток чашки, обведённый карандашом. Она отвернула страницу текстом вниз, чтобы не читать случайно, и поставила поверх деревянную рамку для просушки.

С улицы донёсся звон колокола. Вея посмотрела в окно. Мальчишка с сетью отступал от Тима, прижимая к груди ры-

бу. Тим держал перед собой щипцы и, судя по выражению его лица, объяснял, почему они не предназначены для того, чтобы пугать людей. Объяснение не производило впечатления.

Вея пошла к двери. Она могла бы окликнуть ученика, но тогда пришлось бы оставить мастерскую открытой. Медная дощечка лежала под тканью в нескольких шагах от окна. Никто ещё не знал, что на ней, кроме водолаза и её самой. Вероятно.

Из переулка показался человек в тёмной шапке. Он остановился у противоположной стены и стал завязывать шнурок. Сначала Вея не обратила на него внимания. Потом заметила, что ботинок на его ноге без шнурков: застёжка была сбоку.

Он поднял голову. Вея сделала вид, что смотрит на рыбу, и закрыла дверь.

Мастерская была маленькой: стол для работы, печь, полки, узкий шкаф у задней стены. Спрятать дощечку по-настоящему здесь было негде. Она положила её под деревянную рамку, рядом с мокрой книгой, и подвинула сверху коробку с бумагой. Получилось слишком заметно. Тогда она убрала коробку и поставила вместо неё чашку с высохшими кистями. Никто не стал бы искать медь под кистями, если не видел, как она туда попала.

В дверь постучали снова. На этот раз два коротких стука, потом пауза.

Вея взяла нож для бумаги.

— Открыто? — спросил женский голос.

Это была Зоя с матерью. Женщина выглядела моложе, чем Вея ожидала; на щеке краснел след от горячей печи, а в волосах застряла мука. Она держала дочь за плечо, но не сжимала пальцы.

— Простите, что без предупреждения. Меня зовут Ирина. Зоя сказала, вы хотите разрешения.

— Я уже начала сушить книгу. Если не возражаете, продолжу.

— Не возражаю. Она рассказала и про имя.

Ирина посмотрела на тетрадь. Взгляд её задержался на рисунке, и она тихо спросила:

— Я тоже нарисована?

— Ты была в доме, — ответила Зоя. — А это я, когда выросла.

— Такая высокая?

— Чтобы достать крышу, если она загорится.

Ирина усмехнулась, но тут же прикрыла рот ладонью. Вея придвинула им табурет; Ирина не села.

— Мы раньше держали лавку у канала, — сказала она. — Муж умер четыре года назад. После этого я разбирала бумаги и нашла расход на четвёртого человека: сапоги, еда, плата за обучение. Я думала, он помогал кому-то из родни. Но родственники не знают кому.

— Вы хотите, чтобы я прочитала записи?

— Хочу понять, кого мы забыли. Но Зоя говорит, вы читаете не только написанное.

— Иногда вещь удерживает след того, что с ней происходило. Я могу увидеть отрывок, если он сохранился. Не все отрывки принадлежат хозяину вещи, поэтому я сначала спрашиваю.

— Вы можете увидеть что-то, чего я не хочу показывать дочери?

— Да.

— Тогда без неё.

Зоя вскинула голову.

— Я же принесла!

— Я знаю. И спасибо. Но если мы найдём чью-то тайну, мы не вправе решать за него, кому её рассказывать.

Девочка открыла рот, затем отвернулась к окну. Вера вспомнила себя в её возрасте: как взрослые отправляли её из комнаты, обещая объяснить позже, и как редко это «позже» наступало.

— Мы можем договориться, что я сначала расскажу маме, что увидела, — предложила она. — А потом вы обе решите, как с этим быть. Если мама сочтёт, что какая-то часть не для тебя, она хотя бы скажет тебе, почему.

Ирина посмотрела на дочь.

— Скажу. Даже если ты рассердишься.

— Я уже рассердилась.

— Тогда скажу, даже если ты рассердишься ещё больше.

Зоя села на табурет и скрестила руки.

— Я подожду снаружи.

— На лестнице. Не у воды, — сказала Ирина.

— Я знаю.

Когда дверь закрылась, Ирина не сразу подвинула книгу к Вее.

— Если там будет написано, что у меня была ещё одна дочь или ещё один сын... Я не знаю, что буду чувствовать. Я всё утро думала, что мне страшно узнать. Но, может быть, мне страшно, что я прочту имя и ничего не почувствую.

— Так бывает, — сказала Вея. — Имя не всегда приводит воспоминание за руку.

— А если не приводит, что с ним делать?

— Оставить рядом. Иногда человек сначала узнаёт факты, а чувство приходит позже. Иногда не приходит. Это не делает его равнодушным.

Ирина кивнула и положила ладонь на обложку.

— Хорошо. Можно смотреть.

Вея налила чистой воды в неглубокую чашу и добавила несколько крупинок соли. Вода стала мутной, затем снова прозрачной. Она не опускала книгу в чашу: мокрым страницам хватило и ночи в затопленной комнате. Вместо этого она коснулась воды углом листа, где чернила уже расплылись.

— Если я скажу остановиться, вы остановитесь? — спросила Ирина.

— Сразу.

На воде появились не буквы, а тени: край стола, рука с ложкой, полосатое полотенце. Вея увидела маленькую комнату с окном на канал. Четыре чашки стояли близко друг к другу, а пятая была перевернута на полке. У стола кто-то смеялся. Звук Вея не слышала, только видела, как движутся плечи женщины в красной кофте.

— Я вижу кухню, — сказала она. — Чашки на столе. Женщину в красном. Вы её узнаете?

— У меня была красная кофта.

— Волосы заплетены в две косы.

— Тогда не я. У меня никогда не было длинных волос.

Тень повернулась, но вместо лица на воде проступила рябь. Вея подняла край листа. Капля сорвалась в чашу и разбила изображение.

— Больше пока не видно.

— Попробуйте ещё.

— Сначала нужно просушить страницу. Иначе она расплзётся.

Ирина посмотрела на дверь. Из-за неё доносился голос Зои: девочка спорила с кем-то на улице, защищая свою лестницу как территорию, которую ей доверили.

— Красную кофту я помню, — сказала Ирина. — Не помню женщину. Она оставалась у нас на ночь, а утром я складывала кофту на спинку стула. Мне казалось, я приготовила её для себя. Но она всегда была мне велика.

Вея записала описание на отдельном листе и протянула

его Ирине.

— Это ваше. Книгу лучше забрать сейчас: положите её на доску в сухом месте, переложите страницы чистой бумагой и меняйте бумагу, когда она намокнет. Только не кладите рядом с печью.

— У меня нет денег заплатить сегодня.

— Сейчас не нужно.

— Тогда я принесу хлеб.

— Договорились.

Вея переложила книгу на лёгкую доску и показала Ирине, как удерживать её, чтобы страницы не слиплись. Ирина взяла доску обеими руками и вышла на лестницу. Зоя сразу спросила, что они нашли. Мать присела рядом с ней, чтобы говорить на одном уровне. Вея не прислушивалась, но услышала, как девочка сказала:

— Красная кофта в сундуке. Мы хотели отдать её соседке на тряпки.

— Пока не отдадим, — ответила Ирина.

— А вдруг хозяйка вернётся и замёрзнет?

— Тогда у неё будет кофта.

Они ушли вместе. Вея вернулась к столу. Рядом с чашей осталось несколько песчинок, выпавших из книги. Одна блестяла слишком ярко. Она подняла её иглой: не песок, а крошечный обломок стекла, с одной стороны чёрный, с другой медный. Наверное, попал в дом с водой. Вея положила его на отдельный листок: спрашивать, откуда осколок, следова-

ло уже у Ирины, а не у моря.

На улице снова позвонил колокол. Человек в тёмной шапке исчез. У окна мелькнул Тим; мальчишка с сетью теперь стоял рядом с ним и, похоже, наконец позволил достать рыбу.

Вея вернулась к медной дощечке. Та осталась тёплой под мешковиной, хотя в мастерской было прохладно. Она сняла с руки кольцо матери, положила его рядом с чашей и на минуту закрыла глаза. Старая привычка перед работой: дать памяти затихнуть, чтобы не принять собственную догадку за чужой след.

Когда она открыла глаза, в круглом отверстии на дощечке скопилась вода. Капля дрожала, не вытекая. Вея наклонила медь. Капля осталась на месте.

— Ты пришла из глубокой воды, — сказала она. — Но кто тебя принёс на самом деле?

Разумеется, дощечка не ответила. Вещи не разговаривали так, как разговаривают люди. Они давали сопротивление под пальцем, меняли температуру, иногда показывали образ, которому ещё предстояло найти смысл. Вея умела ждать. Это было единственное, чему мастерская научила её раньше, чем чтению.

Она приготовила иглу.

Она насыпала на дощечку щепотку сухой соли, взяла серебряную иглу и начала проводить остриём по царапинам. Игла дрогнула на первом знаке. Соль потемнела.

М. И. Р.

Вея перестала дышать.

Имён, начинающих так, в городе были сотни. Она знала это и всё равно отложила иглу, как будто та успела обжечь пальцы. Потом взяла снова.

М. И. Р. А.

Мира. На последней букве соль стала мокрой. Дощечка была тёплой.

Восемь лет назад сестра исчезла на Южной дамбе. Вея искала её во всех списках погибших, в больницах, на пристанях, куда прилив приносил людей без памяти. В четвёртую зиму она поняла, что ищет уже не Миру, а разрешение перестать искать. Такого разрешения никто не дал.

Она перевернула медь. На обороте ножом было вырезано:
НЕ ОТКРЫВАЙ СЕДЬМЫЕ ВОРОТА.

Слова проступили не сразу. Каждая буква темнела медленно, будто кто-то писал их с другой стороны стола.

— Седьмых ворот нет, — сказала Вея вслух.

Медная пластина осталась тёплой.

Снаружи раздался визг. Тим влетел в мастерскую, хлопнув дверью так, что с полки упала баночка с гвоздями.

— За мной идут.

Он держал щипцы, а между ними — рыбу. Её тело обмякло, рот открывался и закрывался. Из рта доносился негромкий человеческий смех.

— Я же просила отпустить.

— Я отпустил. Она вернулась. Три раза.

За окном мелькнули тёмно-синие плащи. Стража дамбы.

Вея схватила мокрую мешковину и накрыла дощечку. Запоздало: на ладони уже остался соляной след, буква М. Когда она потёрла кожу, след проступил ярче.

В дверь постучали трижды. Не сильно, но так, будто знали: им откроют.

На пороге стоял человек без плаща. Его серый мундир был застёгнут до горла; на левом рукаве блестела застёжка в виде замкнутого кольца. Должник видел такую перед конфискацией, хозяин мастерской — перед описью, а тот, кто пытался продать запрещённое имя, — перед тем, как исчезнуть из городских книг.

Вея не отступила, хотя Тим поспешно спрятал рыбу за спину.

— Сборщик долгов, — сказала она. — Вам не по адресу. Я плачу за воду в срок.

— Я не за водой. — Незнакомец посмотрел на её ладонь. — Вы получили предмет со дна Южного пролива.

У него были тёмные волосы, подстриженные небрежно, и бледный шрам на подбородке. Лицо запоминалось не красотой, а выражением усталого внимания: словно он привык замечать всё, что другие хотели скрыть, и не радовался этому умению.

— Водолазы приносят мне много предметов.

— Этот принадлежит Казённой палате.

— А до того принадлежал человеку.

— Возможно. Покажите.

Вея положила ладонь на край стола, прикрывая мешковину. Сборщик не двинулся с места. За его спиной на улице двое стражников остановили мальчишку с корзиной и осматривали его руки.

— У вас есть приказ? — спросила она.

Он достал сложенный лист. Печать была настоящей: волна и ключ. Вея не умела подделывать документы, но умела читать их достаточно медленно, чтобы увидеть пустоту между строк.

— Здесь не сказано, какой именно предмет вы ищете.

— Я ещё не видел его.

— Тогда не могу знать, ваш он или нет.

Тим сдавленно кашлянул. Рыба за его спиной засмеялась громче.

Сборщик перевёл на него взгляд.

— Её слышат и с улицы. Положите в воду, иначе она погибнет.

В голосе не было угрозы; хуже того, он оказался прав. Тим опустил рыбу в таз для промывки стекла. Вода забурлила, и смех оборвался. На поверхности появились слова, разбитые рябью:

МИРА ЖИВА.

Никто не произнёс их. Вея прочла раньше, чем поверхность успокоилась. Сборщик тоже. Он вынул из кармана ма-

ленький чёрный камень и бросил в таз. Вода вздрогнула; слова распались, как соль.

— Зачем? — Вея шагнула к нему.

— Чтобы их не увидели снаружи.

— Вы могли стереть её след.

— Если бы он был настоящим, камень ничего бы ему не сделал.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я его сделал.

Он сказал это так просто, будто речь шла о сапожном гвозде. Вея заметила тёмную пыль на его пальцах, а под ней — ожоги. Не все сборщики носили украшения своей должности ради красоты. Некоторые действительно работали с долгами.

— Кто вы?

— Мирен Вель. Мне поручено найти вашу сестру.

У Веи подогнулись пальцы. Буква на ладони побелела и исчезла.

— Восемь лет назад мне сказали, что она утонула.

— Восемь лет назад вам сказали многое. Я не утверждаю, что она жива. Только что кто-то хочет заставить вас в это поверить.

Рыба в тазу внезапно перевернулась брюхом вверх. Тим вскрикнул, но Мирен уже вынул камень. Рыба дёрнулась, ударилась о стенку и замерла.

— Отойдите от окна, — сказал он.

Стекло лопнуло, прежде чем Вея успела спросить почему.

В мастерскую влетела тонкая стрела, пробила мешковину и вонзилась в стол. Там, где она коснулась меди, вспыхнул голубой огонь.

Вея ударила по пламени мокрой тряпкой. Ткань мгновенно почернела. На улице люди кричали и разбежались; кто-то звал стражу, хотя стража стояла совсем близко.

Мирен опрокинул таз на горящую дощечку. Огонь погас, оставив на столе круглый выжженный след.

— Рыба? — спросил Тим.

Вея подняла её с пола. Жабры больше не двигались. Она аккуратно положила рыбку на подоконник, где сохли морские травы. Смерть такой маленькой вещи вдруг показалась ей непоправимой, потому что за день ещё не случилось ничего, что можно было бы оплакать безопасно.

Мирен выдернул стрелу. Наконечник был стеклянным и пустым внутри.

— Кто-то знал, что вы прочтёте имя, — сказал он.

— Кто-то знал, что вы придёте.

— Да.

На миг они посмотрели друг на друга с одинаковым недоверием. Затем где-то под полом мастерской ударил колокол. Один раз. Второй.

Вея знала этот звук: тревога на внутренней стене дамбы. До прилива оставалось четыре часа.

Мирен повернулся к двери.

— Идите домой, — бросил он Тиму. — Уводите родных

выше, к площади Часов.

— Я не оставлю её, — сказал мальчик.

— Он останется, — сказала Вея.

Она взяла дощечку. Под пальцами та была холодной; надпись на обороте исчезла. Но имя держалось крепко, будто его только что вырезали.

— Если вам нужна моя помощь, сборщик, вы расскажете мне всё, что знаете о сестре.

— Расскажу то, что могу доказать.

— Мне подойдёт и то, что не можете. Я сама решу, во что верить.

Колокол ударил в третий раз. Мирен посмотрел на неё с досадой человека, которому предложили спорить с пожаром.

— Тогда идите за мной. Если мы опоздаем к дамбе, спрашивать будет некого.

Глава 2. долг города

Дорога к Южной дамбе шла по мосткам над каналом. В обычный день Вея тратила на неё полчаса. Теперь навстречу двигалась толпа: носильщики катили тележки с мукой, женщины несли детей и узлы, старик толкал перед собой пустую коляску с раскрытым зонтом. Никто не бежал. В городе с детства учили: бегущий на мостках падает первым, а за ним падают остальные.

Тим держался рядом с Веей. Она отправила его к тётке, но он дошёл до угла, обогнул дом и догнал их.

— В мастерской нет никого, кому нужна эвакуация, — сообщил он.

— Кроме тебя.

— Я уже эвакуировался. С вами.

Мирен не вмешался. Он шёл впереди, показывая людям своё кольцо, и толпа нехотя расступалась. Один мужчина плюнул ему под ноги. Сборщик переступил через плевок, не обернувшись.

— Все вас так любят? — спросила Вея.

— Сегодня ещё приветливее обычного.

Она хотела ответить, но мостки содрогнулись. Из канала поднялся пузырь величиной с бочку и лопнул, оставив запах мокрого железа. Мимо них проплыла детская туфля. За ней — вторая, привязанная к первой шнурком.

В детстве Мира учила Вею завязывать узлы одной рукой. У неё получалось быстрее, и она никогда не смеялась над сестрой, когда та путала петли. Просто развязывала верёвку и начинала сначала. Воспоминание пришло без предупреждения, как приходит боль в зажившей ране при перемене погоды.

— Почему Палата ищет Миру? — спросила Вея.

— Она работала на дамбе в ночь прорыва.

— Переписчицей. У неё не было доступа к воротам.

— К воротам — нет. К реестру имён — был.

— Она не могла украсть имя.

— Я не говорил, что украла.

— Вы только пришли ко мне со стражей и приказом.

— Приказ нужен был, чтобы успеть раньше тех, кто стрелял. Насчёт стражи я ошибся: с ней нас заметили.

Он произнёс последнее без попытки оправдаться. Это раздражало сильнее, чем оправдание: Вея уже приготовилась спорить.

На следующем перекрёстке мостки расширялись в площадку перед паромной пристанью. Там стояла очередь из людей с узлами и клетками. Паром, плоский и широкий, был привязан к столбу; лодочник укладывал на нос мешки с песком.

— Почему вы не отходите? — спросил Мирен.

Лодочник поднял голову. Лицо у него было молодое, а волосы почти белые от соли.

— Потому что канат режут.

Через канал, у противоположной пристани, двое мужчин возились у крепления. Один держал нож. Когда он увидел, что на него смотрят, спрятал руку за спину.

— На той стороне бояться, что мы приведём сюда весь нижний квартал, — сказал лодочник. — Они перекрыли ворота на подъёме. Я им говорю: люди идут дальше, в школу. Но у них свои дети и свои подвалы.

Женщина из очереди поставила на доски узел.

— Моя мать там, на той стороне. У неё больное сердце. Кто принесёт ей лекарство?

— Если канат перережут, никто, — ответил лодочник. — И если мы переправимся, а ворота не откроют, нам негде будет высадиться.

Люди в очереди зашумели. Кто-то предложил отвязать паром и плыть на шестах, кто-то — заставить стражу открыть ворота. Вея посмотрела на воду: течение у середины канала было быстрее, чем у берега. Без каната плоское судно развернёт боком и понесёт к мосту.

— Дамба вон там, — сказала она Мирену. — Если мы задержимся...

— Знаю.

На другом берегу мужчина вновь наклонился к креплению. Лодочник поднёс ко рту ладони:

— Не режь! Это единственная переправа!

Мужчина выпрямился.

— На нашей улице вода уже в домах! Если вы откроете ворота, её станет больше!

— Люди воду с собой не несут!

— А ногами поднимут волну?

Он сказал это без насмешки. Вея увидела за его спиной целую группу: женщина с ребёнком на руках, двое подростков, старик на табурете. Все стояли по щиколотку в воде и смотрели на переправу. Они не пытались отнять её из жадности. Они боялись, что широкий поток людей продавит хрупкую границу, которую они только что сумели удержать.

Тим показал на дальний конец пристани.

— Там боковая лестница. Люди могут подняться по ней и обойти ворота.

Лодочник покачал головой.

— Нижние ступени сгнили.

— Верхние целы. Можно положить доску от парома.

— Одной доски не хватит.

— Две хватит. Если привязать к поручням.

Он говорил уверенно, и Вея с привычным раздражением подумала, что он слишком торопится. Потом присмотрелась. Тим с детства помогал тётке на пристани и знал лестницы лучше неё.

— Сначала проверим верхние, — сказала она. — Доски выдержат, только если есть к чему их привязать.

— Я переберусь, — предложил лодочник.

— Один? — спросила женщина с лекарством.

— Если паром пустой, его легче удержать. Меня зовут Марк. Я скажу, когда можно садиться.

Мирен показал ему кольцо. Марк поморщился.

— Это чтобы я вас раньше остальных перевёз?

— Нет. Чтобы меня пустили к воротам. Попробую договориться.

— С кольцом они сначала захотят вас утопить. И только потом будут слушать.

Мирен снял кольцо и положил в карман. Вея увидела на его пальце светлый след.

— Так лучше?

— Не знаю. Я-то вас уже видел.

На судно вошли Мирен и Тим; Вея осталась с очередью. Тим ухватил верёвку и проверил петлю на носу. Марк снял паром с привязи, и тот медленно пополз к другому берегу. Человек у фонаря — так Вея мысленно назвала мужчину с ножом, потому что тот стоял прямо под фонарным столбом, — поднял руку. Паром остановился за несколько шагов от пристани.

— Только двое! — крикнул он.

— Нас трое, — ответил Марк. — Меня ты не посчитал.

— Тебя я знаю. Остальных нет.

— Это Тим, он помогает на пристани у тётки Лены. А этот пришёл разговаривать.

— Разговаривать мы можем отсюда.

Мирен стоял на носу. Вея видела только его спину и чуть

наклонённую голову.

— Я не прошу открыть ворота, — сказал он. — Нам нужна боковая лестница. Мы проверим, выдержит ли она доски.

— А потом что?

— Если выдержит, люди будут подниматься по одному. Если нет, мы не будем их высаживать.

— Вы откуда знаете, что выдержит?

— Пока не знаю. Поэтому и прошу проверить.

Мужчина с ножом посоветовался с женщиной, державшей ребёнка. Та сказала что-то резкое и указала на школьную сумку у своих ног. Затем мужчина отступил от крепления.

Тим и Марк перенесли две доски на пристань. Вея видела, как Тим опустился на колени у лестницы, потянул за поручень, затем всем весом навалился на верхнюю ступеньку. Поручень выдержал; ступенька качнулась. Он показал это Мирену. Тот снял ремень и прикрепил доску к железной стойке.

— Ремень нам ещё понадобится, — заметила Вея, когда он перебрался к краю.

— Надеюсь, нет.

Он постучал по дереву ногой. Доска осталась на месте. Вторая легла рядом, расширив проход. Тим привязал её рыбацким узлом и дёрнул за свободный конец. На ближнем берегу люди подвинулись к парому.

Мужчина с ножом снова поднял руку.

— Доска держится сейчас. Сколько человек пойдёт?

— По одному, — сказал Тим.

— Сколько всего?

Никто не ответил. За спинами очереди появлялись новые люди, и каждый приносил с собой собственную необходимость оказаться на другом берегу.

— Мы не знаем, — сказала Вея. — Но можем считать. Каждый, кто пройдёт, покажет следующему, где держаться. Если доска сдвинется, сразу остановимся.

— А кто остановит?

Мужчина оглянулся на своих соседей. Женщина с ребёнком поставила сумку на ступеньку и подошла к канату.

— Я. Моего сына зовут Петя. У него мокрые ноги, и я очень хочу уйти. Но если лестница сломается под чужим ребёнком, раньше мы не доберёмся.

Она передала сына старику на табурете и встала у лестницы. Марк вернул паром за первыми пассажирами. Он взял не больше шести человек: женщину с лекарством, семью с маленьким ребёнком, старика с зонтом и мальчика, который держал на коленях корзину с котом.

Пока судно переправлялось, Вея помогала остальным составить вещи так, чтобы не загородить проход. Одна девушка, не выпуская из рук свёрнутый ковёр, спросила, можно ли провезти его следующим рейсом.

— Если он помещается, — сказала Вея.

— Все говорят оставить, но это не мой ковёр. Соседки. Она попросила забрать, если её не будет дома.

— Где она?

— Не знаю. Она пошла на работу к стене. Если я оставлю ковёр и она вернётся, как я объясню?

Вея помогла ей обвязать ковёр тонкой верёвкой, чтобы тот не развернулся на пароме. Девушка держала конец верёвки так крепко, что побелели пальцы.

На другом берегу женщина с лекарством сошла первой и поняла, что не знает, куда идти. Она стояла посреди пристани, растерянно глядя на улицу. Человек с ножом показал ей переулок и велел держаться стены. Ещё минуту назад он собирался отрезать эту дорогу; теперь объяснял, где не поскользнуться.

Марк вернулся. Мирен и Тим остались проверять крепления, пока переходила следующая группа. Вея уже собиралась шагнуть на паром, когда женщина с ковром окликнула её:

— Если увидите Ньюру, скажите, что я забрала. Она у стены, в жёлтом платке.

— Скажу, если встречу.

Вея не стала обещать найти Ньюру: у стены могли быть сотни людей. Она запомнила имя, жёлтый платок и то, как девушка придерживала ковёр локтем, чтобы он не упал на ката в корзине.

На другой стороне Тим показал ей узел.

— Держится.

— Я вижу. Хорошая работа.

Он выпрямился. Похвала застала его врасплох, но он

быстро сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— Только скажите это моей тётке. Она считает, что я умею завязывать исключительно неправильные узлы.

— Вероятно, ты демонстрировал ей только их.

Мирен забрал ремень: Марк заменил его канатом из своего запаса. Женщина с ребёнком продолжала считать людей у лестницы, и человек с ножом теперь держал поручень. Ни тот ни другой не попросил Вею и её спутников остаться. У каждого появилась работа, с которой они могли справиться сами.

У основания дамбы возвышалась Стена Доли — гладкая плита, составленная из сотен медных пластин. На каждой стояло имя. Под ними была ещё одна строка: годы, месяцы или дни. Люди отдавали городу то, что могли: год памяти, способность узнавать голоса, вкус сладкого, иногда просто время жизни. Сильнее всего держали дамбу добровольные долги. Насильственные тоже держали, но требовали всё больше воды и в конце концов ломали стену изнутри.

Это было первым правилом, которому учили хранителей. Вторым было: нельзя отдавать чужое.

Вея остановилась перед плитой. Ряд пластин внизу почернел. Над ними вода просачивалась сквозь камень тонкими нитями.

— Здесь сухо должно быть, — сказал Тим.

— Было утром, — ответил Мирен.

У стены работала женщина в красном плаще. Она прикла-

дывала ладонь к каждой пластине, и от её руки расходился золотистый свет. Несколько стражников держали позади неё натянутую сеть — если пластина сорвётся, её нельзя было ловить руками.

— Мы нашли источник? — спросил Мирен.

— Нашли десять, — сказала женщина. — И ещё двадцать найдём, если дадите время. Которого у нас нет.

У неё был хриплый голос и седая коса, переброшенная через плечо. Вея узнала главную хранительницу Севу Ард: та когда-то приходила в школу и рассказывала детям, как разговаривать с морем, если упадёшь за дамбу.

Не обещайте ему ничего, говорила она. Даже если оно будет очень вежливым.

— Стена теряет имена, — сказала Сева. — Не пластины. Имена под ними. Посмотрите.

Она отступила от одной из пластин. На меди значилось: ГОРДАН, СЫН ЭЛЬ. Вея провела пальцем в воздухе над буквами. Обычно за надписью ощущался вес: не тяжесть, а чьё-то присутствие, как от человека, который стоит за дверью. Здесь не было ничего.

— Он умер? — спросила она.

— Три года назад. Но его долг должен был держаться ещё семь. Мы связались с семьёй: они помнят его лицо, его голос, как он ел суп и обжигал язык. Никто не помнит его имени. Только запись.

— Кто-то вынул его из стены.

— Кто-то или что-то. Сможете восстановить?

Вея посмотрела на ряды меди. Десятки пластин темнели прямо у неё на глазах. Она могла вернуть одно имя, если семья помнила человека достаточно хорошо. На это ушёл бы день, иногда неделя. До прилива оставалось меньше четырёх часов.

— Нет, — сказала она. — Не все.

Сева не стала уговаривать. Это Вея оценила.

— Но могу найти место, откуда начали вытягивать, — добавила она. — Нужна чистая вода и горсть соли.

Тим снял с плеча сумку. У него всегда была соль: на случай если учительница в спешке забудет свою. Вея не раз говорила, что он делает это зря. Сейчас решила промолчать.

Они смешали соль с водой в глиняной чаше. Вея опустила туда медную дощечку Миры. На поверхности сразу появилась рябь и побежала к стене.

— Не надо, — сказал Мирен.

Она обернулась. Он впервые выглядел испуганным.

— Вы знаете, что это за дощечка?

— Подозреваю. Если я прав, она связана не с дырой в стене. Она связана с тем, что за стеной.

— И что там?

— Не вода.

Он протянул руку. Вея увидела на его запястье свежую повязку, под которой проступало красное. В эту секунду чаша треснула. Солёная вода хлынула по камням, добралась до

стены и исчезла в щели между плитами.

Город вздохнул.

Так Вея назвала звук позже. Сейчас он был слишком большим для названия: скрип домов, шелест канатов, голоса людей, остановившиеся на полуслове. Из стены выдавило медную пластину. Она ударилась о сеть, прожгла в ней дыру и упала к ногам Тима.

Мальчик нагнулся.

— Не трогай! — крикнули одновременно Вея и Мирен.

Тим замер. На пластине не осталось ни одной буквы. Она была гладкой и блестящей, как зеркало. В отражении Вея увидела себя, Тима и Мирена. А за ними — четвёртую фигуру, женщину в длинном мокром платье.

Вея резко обернулась. Никого.

— Вы видели?

— Да, — сказал Мирен.

Сева уже поднимала колокол тревоги. По её знаку стражники повели людей от стены. Вея снова посмотрела в медь. Женщина в отражении стояла ближе. Лицо скрывали мокрые волосы, но левую руку она прижимала к груди, как Мира после детского перелома.

— Это она.

— Это может быть кто угодно, — сказал Мирен. — Стена показывает то, чего вы ждёте.

— Вы видите её?

— Вижу женщину.

— Как она держит руку?

Мирен помедлил.

— Левую прижимает к груди.

Вея подняла пластину прежде, чем он успел её остановить. Холод прошёл сквозь кожу. Женщина в отражении подняла голову.

Это было лицо Миры — старше, чем в последний раз, с тонким белым шрамом у виска. Губы её двигались. Звука не было, но Вея прочла: «Не верь ему».

Пластина раскололась пополам. Из трещины хлынула вода, тёмная и густая. Вея выронила медь. Стражники потащили её назад, но она вырвалась и схватила один осколок. На нём осталась только часть лица: глаз и мокрая прядь.

Мирен не пытался отнять осколок. Он смотрел на стену, где между плитами уже открылась щель шириной в ладонь.

— Нам нужен новый долг, — сказал он Севе. — Сейчас.

— Добровольцев нет на месте. Всех увели.

— Я отдам свой.

— Ты уже отдал достаточно.

— Стене всё равно.

Сева побледнела.

— Мне нет.

Вея поняла по их голосам, что спор старый. Он закончился ещё до того, как она его услышала. Мирен достал из ножен короткий нож, приложил лезвие к ладони и сделал неглубокий разрез. Кровь упала на камень. Он произнёс своё полное

имя и добавил:

— Один год. Добровольно.

Из стены потянулся звук, похожий на шорох страниц. Кровь растеклась по шву и исчезла. Щель начала закрываться.

Мирен опёрся о камень. Сева схватила его за плечо, но он отстранился. На его лице не появилось новых морщин; плата работала иначе. Год не исчезал из тела сразу. Он исчезал из будущего, и узнать, какой именно, было нельзя.

— Сколько раз? — тихо спросила Вея.

— Достаточно, — ответил он.

У неё в руке холодел осколок. Из него на камни капала вода, хотя он был сухим.

Глава 3. те, кого помнят

Сева отвела их в караульную под стеной. Внутри пахло известкой и крепким чаем. На столе лежала карта города, утяжелённая по углам ракушками. Вея знала, что две из них пустые, а в третьей живёт маленький краб: в детстве она ходила сюда с Мирой и тайком кормила его хлебными крошками. Теперь краба не было. Ракушку использовали как пепельницу.

Мирен сел, пока Сева перевязывала ему ладонь. Он терпел молча, что, как заметила Вея, не означало без боли. Его плечи оставались напряжёнными до тех пор, пока Сева не завязала узел.

— Расскажи ей, — сказала хранительница.

— Что именно?

— То, ради чего ты пришёл.

Мирен достал из внутреннего кармана сложенный лист. Бумага была старой, края запаяны воском. Он осторожно развернул её на карте. Это была копия записи из реестра: дата прорыва, номера постов, фамилии служащих. Напротив имени Миры стояла пометка «переведена».

— Куда? — спросила Вея.

— Место назначения не указано.

— Вам могли принести любой лист.

— Могли. Поэтому я проверил почерк писаря и состав

чернил. Запись сделана в ту ночь.

— А потом вам пришла в голову замечательная мысль найти меня.

— Потом исчез писарь.

Вея подняла глаза.

— Исчез или умер?

— Исчез. Из дома ничего не взяли. Его жена утверждает, что он ушёл покупать яблоки. Это было шесть дней назад.

— Почему вы не пошли ко мне сразу?

Мирен посмотрел на Севу. Та поправила ракушку на углу карты, хотя та и так лежала ровно.

— Потому что я не знал, кому можно доверять, — сказал он.

— А сейчас знаете?

— Нет. Но сегодня утром кто-то выкупил ваш адрес у городского писаря. Мне сообщили об этом раньше, чем успели сообщить покупателю.

— Зачем моему адресу покупатель? Мастерская открыта всем.

— Он искал не мастерскую. Он искал сестру Миры.

Вея подумала о водолазе, который принёс дощечку. Он назвался Кетом, взял обычную плату и ушёл, не выпив предложенного чая. Она запомнила его руки: чистые ногти, никаких трещин от соли. Может быть, он не был водолазом вовсе.

— Он хотел, чтобы я прочла имя.

— Похоже на то.

— И подождал, пока я прочту, прежде чем выстрелить.

— Либо стрелял другой человек. Мы пока не знаем.

В коридоре слышались торопливые шаги. Дверь распахнулась, и внутрь вошёл стражник с медной пластиной в руках. Он держал её через сложенное одеяло; от мокрой шерсти поднимался пар.

— Хранительница, у нас спор у третьего ряда. Родственники не дают снимать пластину.

— Почему её снимают? — спросила Сева.

— Имя почернело. Старший велел убрать все пустые до следующего прилива.

— Я такого приказа не давала.

— Он сказал, что приказ из палаты.

Мирен встал.

— Какой старший?

— Осип. Он у южной лестницы.

Сева взяла пластину за угол. Медная поверхность была тёплой; имя ещё читалось, хотя между буквами пролегали тёмные трещины: «Елена, дочь Петра». Ниже мелко значилось: «Два года голоса. Возвращение — весной десятого года».

— Почему вы держите её? — спросила Вея.

— Она упала, когда Осип начал спорить с родственниками. Я поднял, чтобы на неё не наступили.

— Вы касались меди?

Стражник показал ладони. Они были красными до запя-

ствий.

— Через одеяло, как учили.

Сева внимательно осмотрела его руки и кивнула.

— Пойдёмте.

Вея не хотела уходить из комнаты, где наконец начали говорить о Мире. Но пластину принесли от стены, и если у Севы есть возможность остановить снятие имён, она должна это сделать. Вея пошла за ней; Тим взял со стола чашку с водой, а Мирен — чистую ткань.

Третий ряд находился под низкой аркой. Здесь было темнее, чем на открытой площадке. У стены стояли четверо стражников и пожилая женщина в дорожном плаще. Рядом с ней мальчик лет десяти держал деревянный ящик. Женщина широко расставила ноги, загораживая лестницу, и не позволяла пройти высокому мужчине с папкой.

— Она не умерла, — говорила женщина. — Я вчера видела её на площади.

— Никто не утверждает, что умерла, — ответил мужчина. — Имя не держится. Мы перенесём пластину в хранилище.

— А как она найдёт свой голос весной, если вы унесёте её имя?

— По квитанции.

— Квитанция сгорела, когда печь упала. Я вам это сказала.

— Для восстановления нужна копия.

— Где её взять?

— В палате.

— Я вчера ходила. Мне сказали, что приём закрыт из-за воды.

— Приём будет открыт после проверки.

— А если она до проверки забудет, что отдала голос? Кто тогда пойдёт за копией?

Мужчина раскрыл папку и вытащил лист с печатью. Сева не взяла его.

— Осип, кто велел снимать пластины?

— Распоряжение за подписью заместителя. Вот.

Сева всё же прочла. Мирен наклонился через её плечо; лицо его осталось спокойным, но он переспросил номер приказа. Осип назвал номер и дату.

— Здесь сказано «подготовить к снятию», — заметил Мирен. — Не «снять».

— Разница для стен невелика.

— Для людей велика, — сказала женщина.

Осип посмотрел на неё так, словно собирался объяснить очевидное. Потом увидел Севу и передумал.

— Четыре пластины пусты. Если оставить их, вода пойдёт по креплениям. Я отвечаю за участок.

— Вы отвечаете за участок, — согласилась Сева. — А я за то, чтобы вы не сняли то, что ещё держится. Где остальные три?

Стражник показал на ящик у стены. Вея подошла и увидела три медных прямоугольника, переложённых грубой тка-

нюю. На одном ещё можно было разобрать конец имени, на другом выступала только дата, третий был гладким. Ящик намок изнутри.

— Их нельзя складывать вместе, — сказала она. — Если следы смешаются, вы не определите, какая пластина кому принадлежала.

Осип пожал плечами.

— Если имён нет, какая разница?

— Такая же, как между тремя ключами, у которых стёрты номера. Вы же не выбросите их все, пока не проверите замки.

— Если дом горит, я не буду перебирать ключи.

— А здесь ещё не горит, — сказала Сева. — Ткань отдельно для каждой. Подпишите место на стене и время снятия.

Осип открыл рот, но Мирен уже протянул стражнику чистую ткань. Вея достала из сумки карандаш и помогла разметить обёртки. Она не читала память с пластин: для этого пришлось бы узнать, кому они принадлежали и согласен ли этот человек. Пока достаточно было сохранить различия.

Мальчик с ящиком подошёл к Вее.

— А эту вернут? — Он указал на пластину Елены.

— Мы попробуем закрепить её там, где она была.

— А если она снова упадёт?

— Тогда придётся искать другой способ.

Он помолчал.

— Мама говорит, что голос вернётся сам, когда закончит-

ся срок. А бабушка говорит, что надо петь возле стены, иначе он не найдёт дорогу.

— И кто прав? — спросила Вея.

— Я не знаю. Поэтому пою.

Он сказал это с достоинством и тут же покраснел. Вея отвела глаза, чтобы не заставлять его краснеть сильнее.

— Когда я была маленькой, моя мама оставляла для возвращающихся воспоминаний чашку воды, — сказала она. — Иногда мне казалось, что это помогает. Иногда я просто была рада, что она сидит рядом.

— А голос может утонуть?

— Думаю, нет. Но я не слышала обо всех голосах на свете.

Женщина подошла к ним.

— Я Агата, мать Елены. А это её сын Стас. Дочь работает у хлебной печи. Она не может прийти сейчас: хлеб нельзя оставить.

— Пластина ещё связана с ней, — сказала Сева. — Мы закрепим её обратно и проверим после прилива. Но мне понадобится поговорить с Еленой, когда она освободится.

Агата крепче запахнула плащ.

— Вы не заберёте ещё что-нибудь?

— Нет.

— В прошлый раз нам тоже сказали, что за два года голоса будет достаточно. А потом она перестала слышать, как поёт сын.

Сева посмотрела на Стаса. Мальчик опустил глаза.

— Она слышит другие звуки? — спросила Вея.

— Всё слышит. Стук, речь, музыку у соседей. Только когда он поёт, говорит, что видит, как двигаются губы, а звука нет.

— Это началось сразу после залога?

— Через несколько дней.

Сева провела пальцами над пластиной. Её рука остановилась над словом «голоса».

— Договор могли записать неточно. Есть разница между своим голосом и голосом, который человек слышит как свой дом. Если она отдала второе...

— Она отдала первое, — сказала Агата. — Я стояла рядом. Она сказала: «Возьмите мой голос, чтобы сын не остался без крыши». Слово «дом» говорила про крышу. Не про песню.

Мирен попросил у Осипа копию записи. Тот нахмурился, но пролистал папку и вынул лист.

— Здесь стоит «голос, связанный с домом». Сама так подписала.

— Не сама, — сказала Агата. — Она к тому времени уже не могла говорить. Вы записали и показали ей только место для подписи.

— Она могла прочесть.

— Могла. И читала. Но в вашей копии три строки, а в её было две.

Осип пожал плечами.

— Восемь месяцев прошло. Вы могли забыть.

Агата посмотрела на него прямо.

— Могла. Поэтому я не прошу верить мне на слово. Покажите её лист.

— Он в палате.

— Когда откроется приём?

— После проверки.

— Мы уже это слышали, — сказал Стас.

В его голосе не было детской обиды; он повторил слова, которые взрослые произносили друг другу, когда разговор начинал ходить по кругу. Мирен попросил разрешения взять лист. Осип протянул его с явной неохотой.

Вера посмотрела на записи. Подпись Елены стояла внизу, а строка про дом была тесно вписана над ней. Чернила в этой строке казались темнее, хотя при слабом свете разницу легко было принять за тень.

— Надо смотреть на дневном свету и сравнить с оригиналом, — сказала она. — Я не могу сейчас сказать, добавили ли это позже.

— Вы можете сделать отметку о споре? — спросила Агата Мирена.

— Могу. Но это не отменит договор автоматически.

— Я не просила автоматически. Я прошу, чтобы они не сказали потом, будто я молчала.

Мирен достал карандаш. Осип не хотел отдавать ему папку, и тогда Сева положила ладонь на обложку.

— Он пишет при мне.

Мирен записал дату, слова Агаты и то, что оригинал требуется сверить с копией. Прочёл запись вслух. Агата поправила: не «через несколько дней», а «не позднее третьего дня». Он внёс исправление. Затем оторвал чистую полоску от своего листа, переписал ту же запись и отдал ей.

— Ваш экземпляр.

— Подпишите.

Он подписал. Агата долго смотрела на имя, потом сложила полоску и убрала в ящик Стаса.

— Я ведь могу петь маме без стены, — сказал мальчик.

— Если она не слышит, я напишу слова.

— Можешь, — ответила Вея.

— А если я забуду слова?

— Тогда придумашь другие.

— Мама любит именно эту песню.

— Тогда кто-то может записать её вместе с тобой. Чтобы слова оставались у вас, пока она не сможет их услышать.

Стас открыл ящик. Внутри лежали карандаш, кусок хлеба и длинная полоска бумаги, сложенная гармошкой. Он развернул её и показал неровные строки. Некоторые слова были перечёркнуты, рядом стояли новые.

— Я уже записываю. Только бабушка помнит один конец, а я другой.

— Значит, оба конца можно оставить, — сказала Вея.

— А если правильный только один?

— Тогда, когда мама услышит, спросите у неё. А пока у песни будет два конца.

Агата улыбнулась впервые за весь разговор. Она быстро спрятала улыбку, но Стас успел заметить.

Работа у стены продолжалась. Сева велела вставить пластину Елены в прежнее гнездо. Стражники закрепили её новыми скобами, не касаясь голой медью. Под одной скобой Вея заметила тонкий белый налёт. Она попросила оставить крошку на ткани и показала Севе.

— Это соль? — спросил Тим.

— Похоже, — сказала Вея. — Но не знаю, откуда она взялась.

— Она бывает на креплениях после брызг, — ответила Сева. — И бывает, когда имя пытаются вынуть.

— Вы могли бы отличить одно от другого?

— Иногда. Но сейчас весь участок мокрый.

Она ссыпала крошку в маленький бумажный пакет и написала на нём номер гнезда. Вея заметила, что хранительница, как и Агата, не выбросила то, в чём пока не было ясности.

Осип закрыл папку.

— Если при следующем приливе вода пойдёт через это крепление, мне придётся снимать пластину.

— Если вода пойдёт через крепление, сначала зовите меня, — сказала Сева.

— А если вас не будет?

— Тогда оцените опасность и запишите, что сделали и по-

чему. Я не прошу вас ждать, пока люди утонут.

Он выглядел удивлённым: возможно, ожидал запрета, против которого можно было бы возразить. В ответе Севы оставалась ответственность, от которой не спасал ни приказ, ни печать.

Стас потянул Агату за рукав. От верхней улицы доносился запах свежего хлеба.

— Мама скоро закончит смену.

— Тогда иди к ней. Я догоню.

— Я хочу, чтобы ты шла со мной.

Агата подхватила ящик, но мальчик забрал его обратно.

— Он не тяжёлый.

— Я знаю. Я просто хотела помочь.

— Тогда несём вместе.

Они взяли ящик за разные ручки и пошли к лестнице. У первой ступени Стас обернулся к Вее:

— Я напишу оба конца.

— Хорошо.

Когда они ушли, Сева задержала Осипа ещё на минуту. Вея не расслышала разговора. Мирен стоял рядом со стеной, осторожно разминая пальцы перевязанной руки.

— Вы знали про такие договоры? — спросила она.

— Знал, что формулировки бывают сложными.

— Это мягкое слово.

— Да. Я привык к нему, потому что оно помещается в отчёт и не требует объяснять, кому стало плохо.

— А теперь?

— Теперь придётся искать другие слова.

Он сказал это без просьбы о сочувствии. Вея подумала об Агате, которая восемь месяцев пыталась добиться сравнения двух листов. Один взгляд на печать заставлял людей верить в документ больше, чем в собственные глаза. Именно поэтому работа с бумагой была опасной: исправить ошибку в тексте было легче, чем вернуть человеку уверенность, что ошибка действительно была.

Сева вернулась к ним. На её плаще осталась белая полоска соли.

— Пойдёмте, — сказала она. — Я обещала рассказать, ради чего вы пришли. И я ещё не закончила.

Они поднялись обратно в караульную. Вея поставила чашку с водой на прежнее место. На карте под ракушкой осталась мокрая отметина, похожая на маленький полумесяц.

Тим стоял у двери и рассматривал карту. Он нашёл на ней мастерскую, потом провёл пальцем к внешней стороне стены.

— Здесь нарисовано шесть ворот, — сказал он. — Но между пятыми и шестыми слишком большое расстояние.

Сева быстро накрыла карту рукой.

— Там скальный выступ. Для ворот нет места.

— Я видел старые планы, — сказала Вея. — Там тоже шесть.

— Верно, — ответила Сева.

Слишком быстро. Вея не знала хранильницу настолько хорошо, чтобы судить, когда та лжёт. Но она знала людей, прячущих хрупкую вещь: рука Севы лежала на карте именно так.

— На дощечке было предупреждение, — сказала Вея. — Не открывать седьмые ворота.

Сева убрала руку. На её запястье обнаружился тонкий белый след, круглый, словно от старого ожога.

— Надпись осталась?

— Исчезла.

— Её видел кто-нибудь ещё?

— Нет.

— Вы уверены, что прочитали правильно?

Вея почувствовала, как в ней поднимается гнев: привычный, старый. Восемь лет назад взрослые говорили с ней тем же голосом. Ты была потрясена. Ты могла ошибиться. Твоя сестра любила тебя; разве она ушла бы без слова?

— Я читаю стёртые имена пятнадцать лет. Да, я уверена.

— Тогда мне жаль, — сказала Сева.

— Чего именно?

— Что ты теперь знаешь о воротах.

Тим придвинулся к Вее. Мирен поднялся, хотя двигался всё ещё осторожно.

— Ты обещала мне время, — сказал он Севе.

— Я обещала до прилива. Ты сам привёл её к стене.

— Стену нельзя было оставить.

— А её можно? Её мать я тоже уверяла, что всё будет в порядке.

Слова повисли в комнате. Вея давно перестала спрашивать о матери у чужих. Та умерла в море, когда дочерям было двенадцать и шестнадцать. Сева знала её как хранительницу, это не значило, что она знала её как мать.

— Расскажите про ворота, — сказала Вея.

Сева долго молчала. Снаружи колокол больше не звонил, но это не означало безопасности: он замолкал, когда горожане уже знали об опасности и должны были слышать друг друга.

— Город построен на старой плотине, — сказала наконец Сева. — Не той, которую вы видите. Под ней есть ещё одна, гораздо старше. В ней семь ворот. Шесть закрыты и укреплены именами. Седьмые не закрывались никогда.

— Куда они ведут?

— Туда, куда уходят имена, если их забывают все.

Тим открыл рот, но Вея коснулась его локтя. Она тоже хотела задать десяток вопросов; пусть Сева договорит.

— Когда наши предки пришли на это побережье, море уже знало человеческую речь. Они заключили с ним договор. Город будет помнить своих мёртвых, а море не станет брать живых. Имена на стене — часть договора. Пока мы помним, вода держится снаружи.

— Вы сказали, мы отдаём долги.

— Да. За сохранение стены. Договору нужна работа, как

мельнице нужна вода.

— А если кто-то крадёт имена?

— Тогда море решит, что мы нарушили обещание.

— Мира знала?

Сева посмотрела на неё так, словно искала слова, которые не сделают больно. Вея почти попросила её не искать.

— Она обнаружила, что из реестра пропадают записи. Пришла ко мне. Мы собирались проверить старую плотину вместе. В ту ночь случился прорыв.

— И вы отправили её туда одну?

— Нет. Мы пошли вдвоём.

Вея прижала осколок к ладони. Край впился в кожу.

— Вы вернулись без неё.

— Да.

— Почему?

— Потому что я закрыла дверь.

Ответ был слишком коротким для восьми лет. Вея ждала продолжения: извинения, объяснения, хотя бы признания, что выбора не было. Сева молчала.

Мирен взял со стола чистую ткань и положил рядом с Веёй. Она увидела на пальцах кровь: осколок всё-таки порезал её. Ткань она не взяла.

— Где эта дверь?

— Под архивом, — сказала Сева. — Но ключа у меня больше нет.

Мирен вытащил из кармана чёрный камень, тот самый,

которым стёр слова с воды.

— Есть у меня.

Сева тихо выругалась. Она уже не казалась главной хранительницей; только женщиной, которая устала хранить один секрет дольше, чем могла вынести.

— Отдай его, Мирен.

— Ты сказала, что если стена начнёт пустеть, мы должны будем открыть проход.

— Я сказала: мы. Не ты один и не сестра девочки, которую я там оставила.

— Мне двадцать семь, — сказала Вея. — И вы обе мои сестры уже не спасёте, если будете спорить о том, кто имеет право решать за меня.

Сева вскинула голову.

— Обе?

— Меня и Миру. Вы хорошо слышите, хранительница.

На мгновение Вее показалось, что Сева ответит резко. Но та только отвернулась к карте.

— Архив закрывают до рассвета, — сказала она. — Официально никого туда не пустят. Через час под стеной начнётся проверка, и у вас будет немного времени. Я задержу людей, насколько смогу.

— Почему помогаете? — спросил Тим.

— Потому что я закрыла дверь, — ответила Сева.

Она ушла прежде, чем Вея нашла для неё ещё один вопрос.

В комнате стало тесно от молчания. Тим вынул из сумки хлеб, который не успел отдать мальчику с рыбой, и разделил его на три части. Вея взяла свою, хотя есть не хотелось. Мирен поблагодарил и оставил хлеб на столе.

— Что сказала вам женщина в отражении? — спросил он.

— Ничего.

— Вы читали по губам.

— Да.

— И не собираетесь мне говорить.

— Нет.

Он кивнул. Вея ждала нажима, но Мирен только убрал камень обратно в карман. Возможно, решил, что пока выгоднее терпеть её ложь. Возможно, понял, что она не обязана делиться всем, что у неё осталось от сестры.

— Когда мы найдём писаря, — сказал он, — вы сможете определить, меняли ли его память?

— Если он согласится.

— Даже если от этого зависит город?

— Особенно тогда. Чужую память легко назвать платой за город, когда отдавать её не тебе.

Мирен отломил кусочек хлеба. Пальцы на перевязанной руке дрожали. Он заметил её взгляд и спрятал руку под стол.

— Согласие, — сказал он. — Я запомнил.

Из коридора донёсся стук. Не колокол, не шаги: кто-то отбивал по трубе три коротких удара, один длинный. Вея узнала ритм раньше, чем вспомнила, откуда. Так Мира звала её

через стену детской спальни, когда хотела поделиться тайной и боялась разбудить мать.

Тим тоже слышал. Он потянулся к двери.

— Подожди, — сказала Вея.

Стук повторился. На этот раз за длинным ударом последовал ещё один, короткий. В детстве это значило: «Я здесь».

Вея подошла к трубе и приложила к ней пальцы. Металл был тёплым. С другой стороны, глубоко под камнем, кто-то ждал ответа.

Она подняла руку. Мирен сказал:

— Если это море, оно услышит вас.

— А если Мира?

Он не ответил.

Вея отбила два коротких удара и один длинный. Их старый знак: «Я тоже».

Труба вздрогнула. За стеной что-то тяжёлое сдвинулось. Тёплый металл под её ладонью быстро остывал, а на карте, оставленной Севой, проступала тонкая седьмая линия — там, где не было места для ворот.

Глава 4. вода приходит раньше

Седьмая линия на карте не вела к морю. Она уходила под Рынок Молчания и обрывалась у узкого прямоугольника, который Сева обозначила как кладовую старых весов.

— Вряд ли проход вместится в кладовой, — сказал Тим.

— На плане отмечен не проход. Вход к нему, — отозвался Мирен.

Он снял с карты промокший грузик. Бумага под грузиком оставалась сухой. Вея приблизила лампу: линия тянулась дальше, сквозь стёртые названия улиц, и заканчивалась маленьким знаком, похожим на раскрытую ладонь.

— Мать ставила его на банках с ядовитыми травами, — сказала она. — Чтобы я не трогала.

— Или чтобы ты спрашивала, прежде чем взять, — заметил Тим.

Труба больше не стучала. Мирен заглянул в коридор. Внизу хлопнула дверь, кто-то громко звал носильщиков. Он вернулся и застегнул мундир.

— Началась проверка. Нам нужно выйти сейчас.

Снаружи город пах водорослями и железом. Колокол, умолкший было, ударил снова — на этот раз короткими мерными толчками, обозначавшими неожиданную прибавку воды. Люди на лестницах останавливались и считали удары. После пятого старая торговка опрокинула ящик с крабами и

побежала к дому.

Шестой удар не прозвучал. С южной стороны долетел скрежет, будто кто-то провёл по краю огромного стакана мокрым пальцем. В конце улицы вода поднялась над мостовой. Не хлынула — поднималась ровно, без пены, и в ней отражались окна, которых на этой улице не было.

— Не бывает шестого удара, — выдохнул Тим.

— Бывает, если колокольню затопило раньше, чем ударили, — сказал Мирен.

Он бросился к мосту. Вея потянула ученика за собой. Вода шла с низины, отрезая людям путь к лестницам. Несколько рыбаков заталкивали тележку на склон, но одно колесо попало в щель. В тележке сидела женщина с перебинтованной ногой; за её плечом девочка держала клетку с канарейкой.

— Оставьте её! — крикнул кто-то.

— Оставьте клетку, — поправила женщина. — Меня вытащить проще без колеса.

Мирен подхватил тележку с одной стороны. Вея налегла с другой; Тим высвободил колесо, а рыбак, до того бесполезно дёргавший оглобли, наконец догадался толкнуть. Тележка сдвинулась. Вода коснулась подошв Вей — неожиданно тёплая, как рука лихорадящего человека.

У двери булочной стоял ребёнок. Он смотрел не на воду, а на крышу, где на верёвке сохло маленькое красное платье. Мальчик шагнул обратно, и Вея уже собиралась окликнуть

его, когда Мирен перехватил его за воротник.

— Я не пойду, — сказал мальчик. — Там сестра.

— Где?

Мальчик указал на крышу. Там не было никого, только платье.

Мирен отпустил воротник, присел перед ним.

— Как её зовут?

— Я... — Мальчик открыл рот и захлопнул. — Мама знает.

На мосту сбились люди; каждый шаг назад теснил тех, кто шёл следом. Мирен снял с рукава знак сборщика и сунул мальчику.

— Держи. Отнесёшь матери. Я проверю крышу.

— Вы не можете, — сказала Вея: вода уже доходила до порога булочной.

— Могу. Отведите его наверх.

Он протиснулся к дому и исчез за дверью. Вея схватила мальчика за руку, но тот вырвался.

— Там сестра! Он не знает, какая она!

Вея не стала уверять его, что знает. Она сняла с верёвки на стене рыбацкий поплавок и вложила в его ладонь.

— Держи крепко. Если вода поднимется, мы будем за него держаться вместе.

Мальчик смотрел на поплавок, словно только сейчас увидел, что вокруг вода. Они поднялись на мост. Тим помогал рыбаку проводить тележку. Канарейка молчала в клетке, на-

крытой платком.

На крыше появилась тёмная фигура. Мирен встал на колени у края, затем опустился на живот и протянул руку вниз, за конёк. Оттуда показалась девочка лет десяти, залезшая слишком высоко, чтобы спуститься самостоятельно. Он подтянул её к себе. Красное платье хлопало рядом на верёвке, и Вея увидела: девочка одета в такое же. При взгляде на неё в памяти возникало странное пустое место — точно Вея пыталась припомнить лицо человека, с которым никогда не встречалась.

Мирен спустился по приставной лестнице, девочка держалась у него за шею. Когда они добрались до моста, мальчик бросился к ней, но остановился в шаге.

— Ты моя сестра? — спросил он.

Девочка отшатнулась. Мирен поставил её на землю и ничего не сказал. Вея взяла обоих за плечи и повела наверх; в его молчании было больше уважения, чем в любой поспешной уверенности.

У верхней арки стояли стражники и пропускали жителей по одному. Мирен указал им открыть вторую створку. Старший не сразу узнал сборщика без знака.

— Распоряжение хранительницы: держать проход узким, — сказал он.

— Вода у нижней лестницы. Ваше распоряжение написано до прилива.

— Я не могу...

— Тогда я принимаю ответственность. Открывайте.

Стражник посмотрел на людей, потом на воду за их спинами. Он поднял засов. Толпа двинулась быстрее; никто не побежал, пока дорога оставалась широкой.

Мать мальчика нашлась у арки, мокрая по пояс. Увидев детей, она прижала к себе сына и с тревогой посмотрела на девочку. Девочка не подошла.

— Мам, — сказала она.

Женщина приложила руку к губам. В её глазах было узнавание, которое приходило и уходило, как отражение на воде.

— Скажи мне что-нибудь, — попросила она. — Пожалуйста.

— Я разбила синюю чашку. Ты сказала, что осколки нельзя бросать в печку, потому что огонь запомнит.

Мать опустилась перед ней на колени. В этот раз она обняла дочь. Но по тому, как крепко девочка держалась за её шею, Вея поняла: обе знают, что завтра придётся начинать снова.

Мирен вернул мальчику поплавков и забрал свой знак. Тот спросил, будет ли булочная работать утром.

— Не знаю, — ответил сборщик. — Но на площади раздают хлеб. Идите туда.

Когда семья ушла, он долго смотрел на собственную ладонь. На коже осталась красная полоска от верёвки.

— Вы встречали такое раньше, — сказала Вея.

— Встречал людей, которые забывают. Не видел, как это

начинается.

Она хотела сказать, что между этими вещами нет большой разницы. Но вспомнила, как он стоял на крыше, рискуя сорваться в воду, и промолчала. Поступок не отменял его должности. Должность не отменяла поступка.

Колокол наконец ударил в шестой раз. На площади не стало тихо: люди передавали друг другу адреса, считали родных, разыскивали детей. Город реагировал на тревогу тысячами разных голосов. И где-то под ними Вее снова слышались три коротких удара, один длинный.

Теперь она не знала, исходят ли они из трубы или из её собственной памяти.

С моста было видно, как вода останавливается у порога школы и медленно отступает. Она оставляла на камнях не привычный ил, а белую кайму, будто по улице провели мелом. Несколько человек уже спустились вниз за вещами. Мирен окликнул их, велел подождать, но его послушали только двое.

— Им нужно в дома, — сказала Вее.

— Им нужно дожить до утра.

— Одно другому мешает?

— Иногда.

Она не стала спорить. Там, под водой, лежали хлеб, одежда, лекарства, бумажные свидетельства. Для человека, которому негде больше взять хлеб или доказать своё право на комнату, ожидание тоже могло оказаться опасным. Ми-

рен смотрел туда же, и, кажется, это понимал. Он подозревал стражника, отправил проверить школьный двор и велел пропускать людей группами, когда вода спадёт до ступеней.

— Вы ведь говорили, что спешим, — заметил Тим.

— Спешим, — ответил Мирен. — Поэтому пусть проверит другой.

К ним подошла женщина с клеткой. Канарейка всё ещё не пела. Девочка, которую они спасли из тележки, крепко держалась за ручку клетки.

— Простите, — сказала женщина. — У вас нет бумаги?

Вея достала из сумки обрезок. Женщина неловко прислонилась к стене, и стало видно, как сильно она бережёт перевязанную ногу.

— Напишите, пожалуйста: «Меня зовут Аня, я живу над сапожной мастерской на улице Сетей». И ещё: «Птицу зовут Король». Она смеётся, когда я так говорю.

— А ваше имя? — спросила Вея.

— Галина. Но не записывайте его на том же листе.

Женщина посмотрела на дочь. Девочка устроила палец у прутьев, и птица, наконец ожив, клюнула его.

— Если она забудет меня, — тихо сказала Галина, — я смогу сказать ей что-то, чего не знает никто. А если увидит моё имя рядом со своим, подумает, что любая женщина с таким именем может быть её матерью.

Вея написала обе строки. Девочка с интересом следила за буквами.

— Я умею читать, — сказала она. — Только иногда буквы уходят.

— Тогда их можно будет написать заново.

— Они не с бумаги уходят.

Вея отдала лист ей, не придумав ответа. Девочка положила его на дно клетки под блюдце с водой. Так он не мог улечься, а птица не могла его съесть.

Галина поблагодарила их и попросила о ещё одной услуге: проверить её соседку, старую Геру. Она жила внизу, в конце улицы Сетей, и после болезни почти не вставала. Её сын ушёл на ночную смену к шлюзам, а когда начался прилив, Галина уже не могла добраться до соседней двери.

Мирен посмотрел на стражника. Тот как раз вернулся из школы и показывал остальным, где вода оставила провал в мостовой. Пока он закончит, пока найдёт двух свободных людей, пока они доберутся до дома...

— Я пойду, — сказал Мирен.

— Со мной, — сказала Вея.

— У вас в сумке то, ради чего...

— У меня есть руки. Они сейчас нужнее сумки.

Тим принял сумку без просьбы. Вея хотела возразить, но он уже перекинул ремень через плечо и обошёл её так, чтобы стоять между ней и водой.

— Галина объяснит мне, как найти сына Геры, — сказал он. — На шлюзах нужен кто-то, кто умеет разговаривать со зрителями. Ты сама говорила, что у меня это выходит.

— Я говорила, что ты умеешь заставлять их говорить.

— Это тоже разговор.

Он улыбнулся одними губами, и Вея увидела страх, который он прятал с тех пор, как стена начала терять имена. Она поправила ему воротник — привычным движением, за которое он обычно сердился. На этот раз Тим позволил.

— Не ходи к воде один.

— Не ходи к воде без сборщика.

— Так мы сейчас оба нарушим распоряжение.

— Значит, никто не сможет жаловаться.

Они разошлись у арки. Тим направился к верхней дороге, расспрашивая Галину о сыне соседки. Вея с Миреном спустились туда, где вода обнажила первые ступени. Она шла впереди и проверяла шестом каждый камень. Мирен не возражал, хотя дважды казалось, что вот-вот попросит её передать шест ему.

Улица Сетей была такой узкой, что можно было коснуться противоположных стен, раскинув руки. Между окнами висели верёвки, на которых обычно сушили снасти. Сейчас сети намокли и провисли, перекрыв проход на уровне лиц. В одной запуталась серебристая рыба. Она билась беззвучно, только вода стекала с хвоста.

Вея остановилась, распутала ячею и выпустила рыбу в лужу. Та легла на бок.

— Здесь слишком мелко, — сказал Мирен.

— Вижу.

Он снял перчатку, осторожно поднял рыбу и перенёс к ближайшему открытому стоку. Она исчезла в тёмной воде. Вея не поблагодарила; он, кажется, и не ждал благодарности.

В конце улицы стояли два одинаковых дома. На двери первого кто-то прибил подкову, на втором висел деревянный кружок без номера. Галина сказала искать кружок с нарисованной белой лодкой. Вея пригляделась: дерево было гладким, будто его отскоблили ножом.

— Краску смыло? — спросила она.

Мирен провёл пальцем по кружку.

— Свежий срез. Не вода.

Дверь была заперта. Он постучал, назвал себя и подождал. Ответа не последовало. Из-за двери доносилось слабое постукивание, но в этих домах стучало всё: трубы, незакреплённые ставни, вода в каналах.

— Гера! — крикнула Вея. — Мы от Галины. Ваш сын на шлюзе, за ним пошли.

Стук прекратился.

— Не верю, — сказал женский голос.

— Чему именно?

— Галине. Она умерла весной.

Вея обменялась взглядом с Миреном. Тот не стал возражать.

— Мы можем оставить еду под дверью, — сказала она. — А вы откроете, когда уйдём.

— Я не голодная.

На верхнем этаже что-то тяжело упало. Голос старухи вдруг стал резче:

— Уходите. Здесь уже есть человек.

Мирен показал Вее два пальца: второй этаж. Она кивнула и отошла к соседней двери. Подкова на ней висела криво, но было видно, что её недавно вытерли. Вея постучала. Открыл мужчина в домашней рубаше, с мылом на щеке.

— Можно к вам наверх? — спросила она.

— Зачем?

— В соседнем доме кто-то есть. Хозяйка не может подняться.

Мужчина уставился на неё.

— В соседнем доме никто не живёт.

— Там Гера.

— Гера живёт через три двери. Она красит лодки. Вон её кисти стоят.

У его стены действительно сохли кисти — широкие, с густой белой щетиной. Одна была ещё мокрая. Мужчина проследил за взглядом Вей.

— Это мои, — сказал он и закрыл дверь.

Мирен дёрнул ручку запертого дома. Дверь не поддавалась. Сверху снова ударило, на этот раз дважды. Непохожий на трубу звук — так падает ящик на деревянный пол.

— Отойдите, — сказал он.

— Подождите. Гера! Мы слышим человека наверху. Он с вами?

Тишина.

— Вы не обязаны открывать нам, — добавила Вея. — Но если он забрался туда без вашего разрешения, постучите в стену.

За дверью раздались три удара. Не те, что в трубе. Медленные, с паузой после каждого.

Мирен навалился плечом. Доски затрещали, засов выдержал. Он ударил ещё раз, и дверь распахнулась так внезапно, что он едва не упал. В узкой прихожей пахло горячим воском. На полу лежала чашка, из которой ещё шёл пар.

Гера сидела у печи, укутав ноги одеялом. Волосы она собрала в толстую косу и закрепила её столярным гвоздём. Увидев сломанную дверь, она сердито прищурилась.

— Теперь чините.

— Починим, — пообещал Мирен.

— Все так говорят.

Он пошёл к лестнице. Вея осталась с Герой. Одеяло было сухим, печь горячей, а на столе стояли две чашки. Вторая тоже дымилась. Кто-то пришёл сюда до них, вскипятит воду и, услышав стук в дверь, поднялся наверх.

— Кто с вами? — спросила Вея.

— Человек.

— Я поняла. Он вам угрожает?

— Сначала выломали дверь, потом спрашиваете.

В её голосе было столько справедливого возмущения, что Вея присела на корточки рядом с креслом.

— Галина сказала, что вы больны и вас нужно вывести.

— Галина сказала? — Гера подняла брови. — Её нога хуже моей. Пусть займётся собой.

— Вы сказали, что она умерла.

— Я сказала, что не верю вам. Человек, который действительно её знает, со мной бы поспорил.

Наверху заскрипела половица. Мирен тихо позвал Вею. Она встала, но Гера схватила её за запястье.

— Не отдавайте ему то, что найдёте.

— Кому?

— Тому, кто спросит первым.

На втором этаже были спальня и маленькая мастерская. В спальне пусто. В мастерской стояли ящики с высохшей краской, перевёрнутая табуретка и распахнутое окно. Под ним в стене виднелись свежие царапины. Тот, кто выбрался наружу, цеплялся не за раму, а за камни.

Мирен стоял у стола с листом бумаги в руке.

— Здесь рисовали план, — сказал он. — Тот же знак, что на карте Севы.

На листе были начерчены дома улицы и короткий участок канала. Рядом с одним из домов — раскрытая ладонь. Вея увидела и другое: над линией канала кто-то мелко выписал имена. Несколько были зачёркнуты. Последнее начиналось на «М», а дальше бумага была разорвана.

— Не трогайте, — сказала она.

— Я уже держу.

— Тогда положите.

Он положил. Она провела над листом открытой ладонью, не касаясь чернил. Бумага была холодной, но у разрыва ощущалось слабое тепло, как возле щели в закрытой печи. Кто-то унёс половину листа совсем недавно. На оставшемся клочке слово «Мира» можно было прочесть с такой же вероятностью, как «Мирен» или «Марина».

— Не угадывайте, — сказал Мирен.

— Я и не собиралась.

— Собирались.

— Вы тоже.

Он не отрицал. Из окна было видно крышу соседнего дома и верёвку с развешанными детскими рубашками. Перебраться по ней не вышло бы. Но под карнизом шла узкая доска, а на ней темнели влажные следы. Человек ушёл в сторону канала.

Вея нашла под столом маленький глиняный горшок. Край его был сколот. Внутри лежала не краска, а соль, смешанная с чёрными зерном и мелкими обломками раковин. Она узнала приём матери: такая смесь удерживала отпечаток прикосновения, пока её не перемешают.

— Дайте перчатку.

Мирен протянул ту, что снял, чтобы помочь рыбе. Вея приложила ткань к поверхности соли. Зёрна сдвинулись, и на сером фоне проступил бледный силуэт ладони: пять пальцев и широкая полоска на запястье. Не шрам — ткань или

повязка.

— Я думал, для чтения нужна вода, — сказал Мирен.

— Вода нужна, чтобы увидеть память. Соль показывает, где её оставили.

— Чью?

— Этого она не говорит.

Он не расспрашивал дальше. Вея посмотрела на него с неожиданной благодарностью, которую не хотела чувствовать. Было проще сердиться на сборщика, когда он вёл себя как сборщик.

Снизу донёсся голос Геры:

— Если нашли мою соль, не вздумайте её выбросить!

Вея вернулась к лестнице.

— Кто у вас был?

— Попросил согреться. Я согрела.

— Он нарисовал карту?

— Он спросил, можно ли взять бумагу. Я сказала: можно.

Про карту не спрашивал.

— Вы знаете его имя?

— Знаю. Не скажу.

— Он мог принести вам неприятности.

— Девушка, я пережила трёх зрителей шлюзов, двух мужей и один совет. Неприятности сами находят мой дом.

Мирен спустился за Веей. В руке он держал лист, но, поймав её взгляд, положил на стол перед Герой.

— На улице сорвали знак с вашего дома. Зачем?

— Чтобы меня не нашли.

— Кто сорвал?

— Я. На этом месте раньше была лавка, и я помню, где лежит скребок.

— Вы сказали, что почти не ходите.

— Нет. Это сказала Галина. А она очень любит за меня тревожиться.

Гера достала из-под одеяла ногу. Повязка на колене была чистой и тугой. Старуха поднялась, ухватившись за спинку кресла, и сделала два осторожных шага. На третий поморщилась.

— До дверей могу. Дальше пока нет.

— Тогда нужно на верхнюю улицу, — сказал Мирен. — Вода вернётся.

— А дом?

— Мы закроем дверь.

— Вы её выломали.

— И починим.

Гера внимательно изучила его лицо. Кажется, узнала знак на рукаве и сразу перестала доверять ровно настолько, насколько прежде была готова.

— Вы из палаты. У меня нет долгов.

— Я не за долгами.

— В прошлый раз тоже говорили не за долгами. Потом взяли у соседки голос, и она три года не могла позвать сына по имени. Сказали, что случайность, что они брали только

песню.

Вея повернулась к Мирену. Он не отвёл глаз.

— Такое случилось, — сказал он. — Песня могла удерживать больше, чем человек предполагал.

— Могла? — переспросила Гера. — Она пела её, пока ребёнок кормила. Если вы не понимали, что вместе с песней забираете и это, значит, не спрашивали.

Мирен сжал пальцы. Полоска на ладони побелела.

— Да. Мы должны были спрашивать.

— А теперь вернёте?

Он медлил так долго, что Вея поняла ответ раньше, чем он заговорил.

— Не знаю как.

— Тогда дверь, — сказала Гера. — Хотя бы дверь умеете чинить?

Он нашёл в прихожей старый засов, принёс молоток из мастерской и закрепил доску поперёк растрескавшегося косяка. Вея помогала удерживать дерево, пока он забивал гвозди. Работа заняла больше времени, чем следовало. Снаружи стучали шаги, у арки снова кричали людей, а они стояли в маленьком доме и чинили то, что сломали сами.

Когда закончили, Гера сняла с крючка плащ и позволила проводить себя наверх. На пороге она остановилась, вернулась к столу и разорвала карту на четыре части. Три бросила в печь. Четвёртую сложила и сунула Вее.

— Вы спросили, прежде чем взять соль. Это редко бывает.

В переулке им навстречу бежал молодой мужчина с мокрыми до колен штанами. За ним поспевал Тим. Увидев Геру, мужчина остановился так резко, что поскользнулся.

— Мама!

— Посмотри на него, — сказала Гера Вее. — Он думает, я не умею открывать дверь.

Сын обнял её, осторожно придерживая за локоть. Тим вернул Вее сумку.

— На шлюзе велели передать Мирену, — сказал он. — Вода поднялась не снаружи. Смотритель видел, как она пришла из старого канала под рынком.

Мирен быстро посмотрел на Вею. Семь линий на карте, кладовая весов, открытая ладонь. Если вода нашла дорогу под рынком, путь к проходу мог затопить прежде, чем они доберутся.

Гера отпустила сына и коснулась ладони Вей. В пальцах старухи оказалась щепка с белой краской.

— На случай, если опять забудете, какой дом искать, — сказала она.

Вея убрала щепку в карман. Она не знала, действительно ли Гера приняла её за кого-то другого или специально сказала это при сыне и Мирене. Спрашивать не стала.

На верхней улице она развернула кусок карты. На нём осталась только часть канала и цифры, написанные торопливой рукой: 4, 9, 2. Снизу была приписка: «Не считать от берега».

— Что там? — спросил Мирен.

Вея показала цифры, закрыв пальцем приписку. Он прищурился.

— Похоже на номера заслонок. Но на старом канале их было больше двадцати.

— Можно проверить в архиве?

— Если он ещё открыт.

Впереди, над крышами, показалась башня архива. К её входу как раз подъезжал тёмный фургон. На боковой панели Вея различила знак Казённой палаты.

Мирен ускорил шаг.

Глава 5. опись

К архиву они вернулись по верхней дороге. Вода оставалась внизу, но сырость уже поднялась по ступеням и вздула деревянные двери. На площади перед архивом стоял фургон Казённой палаты. Двое служащих выносили из него ящики с железными уголками.

— Изъятие, — сказал Мирен. — Обычная проверка не требует таких ящиков.

Вея прижала к боку сумку. В ней лежала медная дощечка и лист, который она успела вынуть из переплёта. Дощечку она завернула в несколько слоёв ткани, но чувствовала тепло даже сквозь холст.

— Вы знали, что они придут?

— Предполагал.

— И не предупредили.

— Я узнал о приказе, когда вышел от Севы. Мы спасали людей.

Это было правдой. И всё же она ненавидела, что ему так легко говорить правду по частям.

Пока служащие разгружали фургон, они не могли пройти ко входу: тележка с ящиками перекрыла крыльцо. У архива собрались люди с папками и узлами. Не все пришли за помощью: некоторые принесли документы, которые боялись оставить в затопленных домах. На двери висело объявление

о приёме вещей на временное хранение, а поверх него свежий лист с печатью палаты: «Приём приостановлен».

Женщина в сером платке держала под мышкой деревянную рамку без стекла. За ней стоял мужчина с длинным свёртком, похожим на рыбацкое весло. Он переступал с ноги на ногу и всё время поправлял верёвку на свёртке.

— Здесь закрыто? — спросила Вея.

— Для нас закрыто, — ответила женщина. — Для ящиков открыто.

Она указала на служащих у фургона. Те заносили один ящик за другим, стараясь не задевать прохожих. Женщина притянула рамку ближе к груди. Внутри неё были зажаты две фотографии и выцветшая лента.

— Я принесла на хранение, — сказала она. — В доме вода, а чердак не запирается. Мне сказали, архив принимает документы и семейные вещи. Я спросила вчера.

— Принимает, — ответила Вея. — Обычно.

— А сегодня кто отвечает за то, чтобы они не пропали?

— Хозяева, — отозвался мужчина со свёртком. — Как всегда.

У дальней стены сидел пожилой человек в форменной куртке. На коленях у него лежала открытая книга, а рядом стоял кожаный чемодан. Он записывал имена тех, кто подошёл к двери, и время прихода. После каждого имени ставил прочерк.

— Вы служите в архиве? — спросила Вея.

— Я здесь дежурю. Меня зовут Егор. — Он показал на прочерки. — Фамилии тех, кого не приняли. Когда приём откроют, хотя бы будет видно, кто пришёл первым.

— Им дадут место по очереди?

— Не знаю. Но порядок можно сохранить на бумаге, даже когда его не получается сохранить у двери.

Мужчина со свёртком наклонился над книгой.

— Вы записали «оружие».

— Вы сказали, что у вас сабля.

— Учебная. Она деревянная. Принадлежала жене.

— Исправлю.

Егор зачеркнул слово одной чертой и написал рядом: «Деревянная учебная сабля». Мужчина проследил, как сохнут чернила.

Мирен отошёл к служащим и заговорил с одним из них. Тот пожал плечами, указал на дверь и продолжил разгружать фургон. Мирен вернулся.

— Они не знают, как долго продлится изъятие.

— А вы знаете? — спросила женщина с рамкой.

— Нет.

— Тогда зачем спрашивали?

— Чтобы выяснить, знают ли они.

Она хотела ответить, но из архива вышел молодой писарь с охапкой чистых карточек. Он остановился возле Егора, увидел журнал и протянул руку.

— Его велено передать внутрь.

— Это не архивный журнал, — ответил Егор. — Это мой.

— Вы ведёте запись на казённой территории.

— Территория городская. Книга моя.

Писарь взглянул на очередь.

— Имена людей, которые сюда пришли, относятся к проверке. Мне нужно забрать список.

Женщина с рамкой шагнула вперёд.

— Я не давала вам своего имени.

— Вы дали его ему.

— Чтобы он записал, кто пришёл первым. Не вам.

Писарь покраснел.

— Я не решаю, какие бумаги брать. Мне сказали принести журнал.

— Кто сказал? — спросил Мирен.

— Инспектор.

— Инспектор велела забрать журнал архива или эту книгу?

— Она сказала: «Возьмите журнал у двери».

Егор положил ладонь на раскрытую страницу.

— Журнал выдачи лежит на стойке внутри. Он большой, в коричневой обложке. Мой — чёрный.

Писарь заколебался. Вера знала это выражение: человек неожиданно узнавал, что приказ, казавшийся ясным, может означать две разные вещи. Самым лёгким решением было взять обе книги и предоставить другим разбираться.

— Я схожу уточню, — сказал он.

— Прежде скажите своё имя, — попросила женщина.

— Для чего?

— Чтобы я знала, у кого спрашивать, если список всё-таки заберут.

— Илья.

— А фамилия?

Он назвал её. Егор вписал фамилию на полях рядом с пометкой: «Попросил передать журнал; ушёл уточнять». Писарь заметил это и нахмурился.

— Вы записываете каждый мой шаг?

— Нет. Только тот, о котором завтра могут спросить.

Илья ушёл в архив. Люди у двери переместились ближе к стене, освобождая дорогу носильщикам. На площади было мокро, но вода сюда ещё не поднялась. Стекло в одном из окон отражало светлое небо, и на мгновение казалось, что внутри всё спокойно: книги на полках, столы, лампы. Только у окна никто не сидел.

— Если они заберут этот журнал, — тихо сказала женщина Вее, — они узнают, кто хотел спрятать вещи. Потом могут прийти домой.

— Может, список нужен только для порядка, — сказал мужчина с саблей.

— Может. Но я не хочу проверять, какой порядок у них получится.

Егор перевернул страницу и вырвал её. Он делал это медленно, чтобы бумага не разошлась по другим листам. Потом

сложил вырванную страницу вчетверо и протянул женщине.

— Держите.

— А очередь?

— Я помню, кто пришёл. Пока помню.

— Я не хочу брать список чужих имён, — сказала она. —

Я не знаю, где буду ночевать.

Вея предложила разрезать страницу так, чтобы каждый унёс свою строку. Женщина согласилась первой. Мужчина с саблей попросил оставить на его полоске ещё и время: оно, по его словам, было единственным доказательством, что он пришёл до обеда.

Егор достал ножницы. Разрезать пришлось поперёк строк; у одной женщины фамилия оказалась на двух полосках. Она аккуратно сложила их вместе и спрятала в карман. Никто не хотел отдавать свой кусок первым. Вея увидела, как незнакомые люди присматривают друг за другом: не потому, что доверяют, а потому, что каждый понимает цену чужого имени.

У мальчика лет семи бумажки не было. Он тянул Егора за рукав и молчал.

— Ты тоже записывался? — спросила Вея.

Мальчик покачал головой. В руке он держал медальон на шнурке. Крышка медальона открывалась, но внутри была только мокрая ткань.

— Я ищу тётю.

— Как её зовут?

— Тётя.

— Как тебя зовут?

— Игорь.

Он произнёс имя охотно; имя тётки, напротив, словно не хотел отпускать, боялся, что оно исчезнет, если прозвучит вслух. Или не мог его вспомнить.

— Где ты её видел в последний раз?

— Она сказала ждать у двери, а потом вошла.

Егор нахмурился.

— С тобой была женщина в зелёной шали?

Игорь посмотрел на него.

— Шаль жёлтая. На ней зелёные цветы.

— Верно. Она вошла до того, как закрыли приём. Я думал, ты с ней.

— Она сказала ждать.

На крыльцо вышел Илья. В руках у него был большой коричневый журнал.

— Вы правы, — сказал он Егору. — Инспектор имела в виду этот. Она не знала, что вы пишете ещё и снаружи.

— А теперь знает?

— Я сказал, что вы ведёте очередь. Она ответила: пусть ведёт.

Женщина с рамкой сжала свою полоску бумаги. Егор закрыл книгу. Никто не стал объяснять писарю, что очередь уже разобрали на части.

— Внутри женщина в жёлтой шали? — спросила Вея.

— Там несколько женщин.

— У неё зелёные цветы на шали. Она пришла с мальчиком и пока не вернулась.

Илья нахмурился и посмотрел на Игоря. Мальчик поднял медальон.

— Это её. Она дала мне, чтобы я не ушёл.

— Подожди, я спрошу, — сказал писарь.

Он снова исчез за дверью. Мирен посмотрел на часы над входом. Одна стрелка остановилась, другая продолжала двигаться.

Дверь снова открылась, и на крыльце появилась женщина в жёлтой шали. Она шла быстро, прижимая к себе папку. За ней поспевал Илья.

— Она там, — сказал писарь. — Но...

Мальчик уже бросился к тётке. Та остановилась на середине крыльца и выпрямила руку с папкой, не давая ему обнять-ся.

— Не подходи. Я не знаю тебя.

Игорь замер. Люди в очереди притихли.

— Я Игорь. Ты сказала ждать.

— Я пришла одна.

Медальон качался у него на груди. Женщина заметила его, подошла ближе и узнала узор на крышке.

— Это моя вещь. Где ты её взял?

— Ты дала.

— Отдай.

Он снял шнурок и протянул. Женщина открыла меда-

льон, увидела мокрую ткань и побледнела. Она долго рассматривала мальчика. Потом достала из папки сложенный лист и развернула. На бумаге было нарисовано дерево, а под ним — трое людей, взявшихся за руки.

— Это твой рисунок? — спросила она.

— Да. Ты велела подписать, чтобы не потерялся.

Игорь показал пальцем на неровные буквы внизу. Там было его имя. Рядом другое, взрослым почерком: «Игорь и тётя Вика, у старой груши».

Женщина перечитала подпись дважды.

— Я Вика, — сказала она. — А грушу спилили весной. Она мешала чинить крышу.

— Она не мешала. Дядя сказал, что корни поднимают пол.

— Да. Ты плакал, когда её спилили.

— Я не плакал. Я сердился.

— Ты сердился, — согласилась она. — И плакал тоже.

Её голос дрогнул. Она опустилась на корточки и осторожно притянула мальчика к себе. Он обнял её сразу, но глаза оставались открытыми, будто он проверял, не оттолкнёт ли она снова.

— Почему вы оставили его одного? — спросила женщина с рамкой.

Вика встала, не отпуская руки мальчика.

— Я оставила его у двери на минуту. Внутри мне дали бумаги для подписи, я читала их. Потом пришли люди с ящиками. Мне велели ждать в стороне. А когда я вышла... — Она

посмотрела на Игоря. — Когда я вышла, я не вспомнила, что он здесь.

Егор закрыл свой журнал. Илья перестал держать коричневый том на весу и прижал к груди.

— Какие бумаги? — спросил Мирен.

— Согласие на хранение. Я принесла рисунки сестры и свидетельство о рождении Игоря. Я хотела оставить их на несколько дней.

— Вы подписали?

— Нет. Мне не понравилась одна строка. Там сказано, что палата может переместить вещи без уведомления владельца. Я хотела спросить, куда именно.

Она показала лист. Мирен прочёл, Вея заглянула через его плечо. Строка действительно была, но не содержала ничего, что объясняло бы потерю памяти. Чуть выше стоял отпечаток мокрого пальца.

— Вы касались чего-нибудь ещё? — спросила Вея.

— Стойки. Мне дали карточку с номером и взяли обратно, когда сказали, что приём закрыт.

— Номер помните?

— Двенадцать.

Илья вздрогнул.

— Карточка двенадцать была у меня. Я отнёс её в ящик.

— В какой? — спросил Мирен.

Писарь указал на один из железных ящиков у фургона. Тот был уже закрыт; служащий забивал край крышки корот-

ким молотком.

Мирен направился к нему, но стражник встал на пути.

— Внутри материалы для проверки.

— Там карточка выдачи, которую только что передали посетительнице. Нужно её осмотреть.

— Я не могу открыть ящик без распоряжения инспектора.

— Тогда передайте ей просьбу.

Стражник не двинулся.

— Сейчас.

Он узнал Мирена и всё-таки ушёл к двери. Илья остался рядом с Викой, у которой дрожали руки. Мальчик держал её за пальцы и не выпускал медальон из другой ладони.

— Я не помню, чтобы карточка была мокрой, — сказал он.

— Я тоже, — ответила Вика. — Но я держала папку и могла не заметить.

— А я заметил бы. Ты велела мне не трогать стойку, потому что на ней пятно.

— Какое пятно? — спросила Вея.

— Красное. Круглое. И ещё на карточке была дырка. Маленькая, возле двенадцати.

Илья опустил глаза на свои руки.

— Дырки не должно быть. Они новые.

— Вы её видели?

— Не смотрел.

Егор записал описание карточки на отдельном листке и

отдал Вике. Она положила его в папку рядом с рисунком. Вея хотела попросить показать медальон, но остановилась: женщина и без того едва держалась после того, что случилось на крыльце.

— Если вы захотите проверить след, я работаю на улице Ткачей, — сказала она. — Мастерская с синими ставнями. Лучше приходите не одна.

— Зачем?

— Чтобы рядом был человек, который сможет остановить меня, если вы попросите. И который услышит то же, что вы.

Вика кивнула, хотя было видно, что она думает не о мастерской, а о дороге домой. Игорь поднял медальон.

— Я теперь могу надеть?

— Он мой, — автоматически сказала она. Потом заметила, как мальчик опустил руку. — Но я дала его тебе. Носи, пока не попросишь вернуть.

— Ты попросила.

— Да. Тогда я прошу прощения. И прошу тебя взять его снова, если хочешь.

Он осторожно надел шнурок. Вея смотрела, как Вика помогает ему спрятать медальон под рубашку, и думала, что узнать человека — не одно мгновение, а множество маленьких действий, каждое из которых приходится повторять.

Стражник вернулся с ответом: инспектор сейчас занята и не разрешает открывать ящик. Мирен попросил записать его обращение в журнал. Стражник сказал, что журнала у него

нет.

— Тогда укажите, кому я могу передать письменный запрос.

— Инспектору.

— Хорошо. Передайте ей, что я принесу его лично.

Тот подозрительно посмотрел на него и кивнул. Вика с Игорем ушли по верхней дороге, а остальные стали расходиться, поняв, что архив сегодня не примет их вещи. Егор остался у крыльца с пустым журналом. Женщина с рамкой предложила помочь ему перенести чемодан в сухое место.

— Ещё рано, — ответил он. — Вдруг кто-то придёт и не увидит объявление.

Он снова раскрыл книгу и написал на чистой странице: «Приём приостановлен». Имен под этой строкой не было.

Вея, Тим и Мирен поднялись к дверям.

У входа их остановила женщина в синем плаще. Вея видела её раньше в палате, но не знала имени. У женщины были аккуратные светлые брови и ожог на запястье, от которого кожа стянулась белой звёздочкой.

— Сборщик Мирен, — сказала она. — Я ждала вашего отчёта.

— Инспектор Рута. Здесь опасно: нижняя улица затоплена.

— Поэтому мы работаем быстро. У нас распоряжение о проверке архива и всех материалов, связанных с повреждениями стены.

— Покажите.

Рута развернула лист. Печать была чёткой, подпись принадлежала одному из членов Совета. Мирен прочёл, не прилагиваясь к бумаге.

— Право изымать материалы без описи? Это новое положение.

— Временное. До окончания чрезвычайных обстоятельств.

— А кто решает, когда они окончатся?

— Совет. Как всегда.

Вея увидела, что инспектор замечает её сумку, и шагнула ближе к лестнице. Стражник загородил дорогу. Рута улыбнулась так, будто ей было неприятно мешать знакомым людям.

— Реставратор Вея. Вы получили предмет с Южного пролива. По распоряжению вы обязаны передать его нам.

— Мне нужен документ о приёме.

— Он будет составлен позднее.

— Тогда я передам его позднее.

— Вы хотите спорить о бумагах, когда прилив уже на улицах?

— Именно тогда я особенно хочу спорить о бумагах.

Рута перевела взгляд на Мирена. Он не стал заступаться. Возможно, ещё не решил, на чьей он стороне; возможно, его молчание и было ответом. Инспектор жестом велела стражнику взять сумку.

Вея отступила. Тим оказался рядом и вдруг громко чихнул. Движение было таким резким, что стражник обернулся. В ту же секунду Тим выхватил из Веиной сумки свёрток и швырнул его под фургон.

— Прости! — крикнул он.

Стражник бросился за свёртком. Рута выругалась. Вея увидела, что Тим бросил только ткань с камешком, которым они прижимали карту. Дощечка осталась у неё за поясом. Но чтобы не выдать ученика взглядом, она тоже побежала к фургону, споткнулась и схватилась за колесо. Вода, стекавшая по мостовой, скрутилась у её ноги тонкой воронкой.

— Не трогайте воду! — резко сказал Мирен.

Из воронки поднялся чей-то шёпот. Рута отступила; стражник, уже державший пустой свёрток, выпустил его и вытер руки о плащ.

Вея услышала всего одно слово: «ниже». Оно могло относиться к уровню воды, к тайнику под архивом или вообще не предназначаться ей. Но шёпот отвлёк всех на несколько мгновений.

— Отведите людей от стока, — приказал Мирен стражникам. — Здесь обратная тяга.

Он говорил уверенно, хотя Вея не знала, существует ли такая опасность. Стражники подчинились. Пока они отводили прохожих, Мирен открыл Вее дверь в архив.

— Внутри будет ещё одна проверка, — сказал он тихо. — У вас две минуты.

— Зачем вы помогаете?

— Я хочу узнать, почему Совет требует изъятия без описи.

— Этого недостаточно, чтобы я вам поверила.

— Мне не нужна ваша вера. Мне нужна возможность проверить приказ.

Вея вошла. В коридоре пахло мокрым известняком. Архивистка Нина сидела за стойкой и прижимала к груди журнал выдачи. Перед ней лежали три ключа; один был сломан.

— Они уже в читальном зале, — сказала она. — Забрали картотеку умерших за последние десять лет.

— Зачем?

— Сказали, сверяют количество долгов.

Тим побледнел.

— Умершие не платят.

— Вот и я так сказала. Они ответили, что перечитают закон.

Из зала доносились голоса. Вея знала архив так же хорошо, как собственную мастерскую: хруст третьей ступеньки, сквозняк у окна, полку, под которой прятали книги от сырости. Она провела Тима к шкафу с переплётными материалами, вынула из его нижнего ящика тонкую доску и указала на щель.

— Положи туда страницу.

— А дощечку?

— Дощечка нужна мне. Если мы разделим их, они не по-

лучат всё сразу.

Тим послушался. Из читального зала вышла Рута. Она увидела, как он ставит доску на место, и остановилась.

— Что вы делаете?

— Ищу сухую ткань, — сказал Тим. — Здесь промокло.

— Найдёте позднее. Встаньте у стены.

Он встал. Вея ощутила, как холодеет спина. Инспектор прошла мимо шкафа, провела пальцем по столу и рассмотрела пыль на перчатке.

— У вас есть привычка прятать вещи в полезных местах, реставратор. В ненужные ящики никто не заглядывает.

Она потянулась к нижней ручке. Снаружи раздался треск. Люди закричали. Мирен, вошедший следом, обернулся к двери.

— Южный склон, — сказал он.

В окне было видно, как повисает над улицей большой рекламный щит булочной. Его стойку подмыло. Рута быстро оценила расстояние до прохожих и выбежала первой. Мирен и стражники кинулись за ней. Щит рухнул в воду, никого не задел, но перекрыл проход к лестнице.

— Вы видели, как он упал? — спросил Тим.

Вея качнула головой. Она не была уверена, столкнула ли его вода или чья-то рука. Нина тихо сказала:

— Идите. Я закрою шкаф на свой ключ.

— Вас обвинят.

— Меня обвинят и так. Я отвечаю за архив.

В её голосе не было бравады. Она просто убрала журнал под локоть и взяла ключ, оставшийся целым. Вея запомнила этот жест: не всякая храбрость выглядела как человек на крыше.

Они вышли через переплётную и спустились во двор. За стеной стражники поднимали щит. Мирен остался у ворот. На миг их взгляды встретились; он указал на узкий переулок, где вода ещё не дошла до ступеней.

Вея не поблагодарила. Он тоже ничего не сказал.

Глава 6. кладовая весов

Переулок вывел их к Рынку Молчания. В дни опасности здесь открывали приют, но сейчас двери оставались закрыты: торговцы уносили товар, не успевая освободить зал. На каменной арке висели старые весы без чаш. Вея помнила их с детства и никогда не спрашивала, почему пустые крюки отполированы до блеска.

Тим прислонился к стене, переводя дыхание.

— Я думал, вы не заметили, что я взял страницу.

— Я заметила. В следующий раз скажи раньше, чем решишь рисковать за нас обоих.

— Вы бы запретили.

— Возможно.

— Тогда зачем спрашивать?

Вея хотела ответить сразу, но не нашла слов. Ученик не был ребёнком, которого можно бесконечно прятать за спиной. И всё же страх за него превращал любую его самостоятельность в личную обиду.

— Затем, что я хочу знать, когда ты можешь погибнуть, — сказала она.

Тим отвёл глаза. Потом улыбнулся одними губами:

— Это очень похоже на приказ спрашивать разрешения.

— Я знаю. Постараюсь лучше.

У дальней двери стоял пожилой сторож, знакомый Вее по

имени Бор. Он держал шест, которым обычно закрывал ставни, и не выглядел готовым пропустить их внутрь.

— Рынок закрыт.

— Нам нужна старая кладовая, — сказала Вея. — Та, что под весами.

— Там ничего нет.

— Тогда нам долго искать не придётся.

Бор покосился на неё. С крыши капала вода, и он подставил ладонь под струю, словно проверяя дождь. Небо оставалось чистым.

— В кладовой живут крысы. Хорошие крысы, никого не трогают.

— Мы тоже постараемся никого не трогать, — сказал Тим.

Сторож вздохнул и поднял засов. Внутри было прохладно. Под рядами прилавков ползли тонкие струйки; рыночные запахи — укроп, старая рыба, тёплый хлеб — смешались с запахом морской соли. Бор проводил их до узкой двери за каменными весами.

— Если найдёте то, что ищете, не оставляйте дверь открытой, — сказал он.

— Вы знаете, что там?

— Знаю, что однажды оставил её открытой. После этого три дня слышал, как меня зовёт покойная жена. Она была хорошая женщина, но в последние годы плохо слышала и привыкла кричать.

Он ушёл, предоставив им лампу. Тим подождал, пока ша-

ги стихнут.

— Думаете, это правда?

— Не знаю. Но дверь закроем.

Кладовая оказалась маленькой: полки, сломанная гиря, корзина с рваной сеткой. На стене Вея нашла вырезанную ладонь. В её центре было круглое углубление. Она достала медную дощечку и приложила к стене. Ничего не произошло.

— Может, нужна другая сторона, — сказал Тим.

На обороте дощечки темнели слова: «НЕ ОТКРЫВАЙ СЕДЬМЫЕ ВОРОТА». Вея помедлила. Если предупреждение оставила Мира, она имела причину. Но сестра не могла знать, какой станет стена через восемь лет.

Вея приложила медь ещё раз. В выемке что-то щёлкнуло. Полка медленно отошла от стены, открыв ступени, спускавшиеся в темноту. Оттуда пахло речным илом: не морским, не рыбой, а тем спокойным запахом, который бывает у пресной воды.

Сверху донёсся стук в дверь рынка. Бор ответил не сразу. Вея различила голос Руты.

— Нам сообщили, что сюда вошли двое.

— Ко мне весь день входят люди. Рынок всё-таки.

— Он закрыт.

— Поэтому они и входят. Посмотреть, когда откроется.

Тим снял со стены лампу. Вея закрыла потайную полку, оставив щель для воздуха, и они спустились. На седьмой

ступени вода закрыла камень. Впереди виднелась железная дверь, возле которой на кольце висел чёрный шнур.

Вея коснулась шнура. Вода вокруг ступеней качнулась. Из темноты послышался голос:

— Не тяни.

Это был голос Мирена. Он стоял по другую сторону двери, за решёткой, и держал в руке чёрный камень.

— Вы нашли другой вход, — сказала Вея.

— Сева показала мне старую лестницу. За мной следили, поэтому я не мог вернуться к вам открыто.

— Инспектор знает про эту дверь?

— Надеюсь, нет. Но она знает больше, чем говорит.

— У нас страница спрятана в архиве, — сказал Тим.

Вея бросила на него взгляд. Он пожал плечами: Мирен и без того знал про страницу.

Сборщик посмотрел на шнур.

— Это сигнальная нить. Если потянуть, на другом конце ударит колокол.

— А если не потянуть?

— Тогда мы откроем дверь без предупреждения тех, кто находится за ней.

Вея прислушалась. За дверью не слышно было ни голосов, ни шагов. Только вода капала где-то далеко, отмеряя время.

— Если там Мира, она уже предупредила нас стуком, — сказала она.

— Если там море, оно может повторить стук.

— Вы любите два ответа на один вопрос.

— Потому что мне не нравится выбирать тот, который удобнее.

Он вставил камень в замок. Дверь поддалась с трудом. За ней оказался длинный коридор с низким сводом. На стене были вырезаны сотни имён. Некоторые светились влажной солью, другие почти исчезли; возле нескольких кто-то процарапал маленькие кресты.

Вея остановилась перед одним. «Ада, дочь Рена». Ни даты, ни фамилии.

— Это не запись долга, — сказала она. — Здесь не указана плата.

Мирен осветил соседнюю надпись. «Лев, сын Ады. Помнил до последней зимы». Под ней другой рукой: «Мы помним за него».

— Памятная стена, — сказал он.

Вея провела пальцами над буквами, не касаясь их. Её мать называла имена умерших во время первого снега, хотя соседи считали этот обычай старомодным. Неужели она знала о стене? Или просто сохраняла то, смысл чего давно забылся?

В конце коридора стояла деревянная скамья. На ней лежала свежая корка хлеба. Рядом — листок, прижатый камнем. Вея подняла его. Бумага была сухой, буквы написаны торопливо:

«Если пришла за мной, не открывай море из-за одной меня. Найди ведомости у Глеба. Он помнит, где спрятал. М.»

Сердце ударило так сильно, что она почувствовала боль под рёбрами. Буква М была похожа на сестрину — с длинной последней чертой. Так можно было научиться писать, наблюдая за ней, или скопировать её с сотни старых писем. Но на обороте стояли три коротких штриха и один длинный.

— Кто такой Глеб? — спросил Тим.

— Писарь, которого мы ищем, — сказал Мирен. — Он числился в Южной палате до аварии.

Вея сложила записку. Не «я здесь», как она надеялась, а просьба искать другого человека. Мира всегда делала так: сначала объясняла, что необходимо сделать, и только потом спрашивала, как Вея себя чувствует.

Вверху хлопнула дверь. Бор громко сказал что-то про крыс. Ответ Руты был неразборчив. Мирен убрал камень в карман.

— Нам надо уходить. В конце коридора должен быть выход к старому водосбросу.

— Откуда вы знаете?

— Я изучал планы, когда искал поддельные записи. Этот коридор на них не отмечен, но водосброс отмечен.

Они пошли дальше. Вея оглянулась на скамью. Корка хлеба была мягкой. Кто-то находился здесь недавно — достаточно недавно, чтобы оставить ей знак, и достаточно давно, чтобы уйти до их прихода.

В коридоре становилось светлее, хотя впереди не было видно выхода. Лампа Тима горела ровно, и всё-таки тени на

стенах двигались в разные стороны. Вея заметила это, когда её собственная тень подняла руку раньше неё.

— Стойте.

Тим остановился. Мирен заслонил ладонью огонь. Тень Веи осталась на стене, протянув пальцы к одному из имён. На камне было написано: «Вера. Не отдавайте её смех».

— Это чья память? — шепнул Тим.

— Не знаю.

Тень медленно опустила руку. Когда Мирен снова открыл лампу, она вернулась к ногам Веи и стала обычной.

Вода под ступнями едва доходила до подошв, но теперь текла им навстречу. Они ускорились. За очередным поворотом коридор расширился в круглую комнату. Под сводом висели семь колец разного размера; шесть были собраны в ряд, седьмое лежало на полу. Ржавые цепи уходили сквозь отверстия в потолке. На дальнем конце комнаты стояла девушка в сером платье и пыталась поднять с пола корзину.

Вея увидела её одновременно с Тимом. Он шагнул вперёд, но девушка вздрогнула и выпрямилась так быстро, что корзина опрокинулась. По камням рассыпались деревянные таблички.

— Не подходите, — сказала она.

На вид ей было лет двадцать. Волосы она обрезала неровно, будто сама делала это ножом, и подол платья был мокрым. На запястье виднелась белая повязка.

Вея вспомнила отпечаток в соляном горшке Геры. Но до

того, как произнести хоть слово, заметила у девушки в руке тонкое шило.

— Мы не будем, — сказала она. — Можно помочь собрать?

— Нет.

Мирен поднял лампу. На ближайшей табличке было вырезано: «Дом Сетей, четвёртая дверь». Ниже другой рукой: «Сначала спросить». Вея попыталась прочитать остальные, но девушка быстро прикрыла их юбкой.

— Ты от Миры? — спросила она.

Девушка посмотрела на неё, потом на Мирена.

— Вы Вея?

— Да.

— А вы привели его.

Мирен не тронулся с места.

— Если хотите, я подожду за поворотом.

— Вы всё равно услышите.

— Тогда дальше.

Он взял у Тима лампу и ушёл по коридору назад, пока свет не превратился в жёлтую полоску на полу. Тим остался с Веей. Девушка следила за сборщиком, пока тот не скрылся, и только после этого опустила шило.

— Меня зовут Яна, — сказала она. — Я не от Миры. Я от людей, которые оставляют здесь имена.

— Вы видели её?

— Видела женщину, которая приходит за хлебом. Она не

сказала, как её зовут. Я оставляю еду на скамье, а утром её уже нет.

— Когда это было в последний раз?

— Сегодня утром.

Вея достала записку. Яна прочла её, почти не шевеля губами.

— Не моя. Я пишу иначе.

— Но вы знаете, кто такой Глеб?

— Писарь. Его ищут.

— Мы тоже ищем.

— Вы все так говорите. Одни хотят забрать его, другие — бумаги. А кто-нибудь спросил, чего хочет он?

Тим опустил на корточки, поднял табличку и положил её рядом с корзиной. Яна следила за ним, но не возразила. Тогда он поднял следующую.

— Это твоя работа? — спросил он.

— Было бы лучше, если бы не была.

— Почему?

— Потому что тогда я могла бы лечь и поспать.

Тим кивнул, как будто получил ответ, который ждал. Он собрал ещё несколько табличек и сложил их резными сторонами вверх. На каждой было что-то короткое: имя, адрес, просьба. Не реестр долгов и не тайный список заговорщиков — маленькие напоминания, которые люди оставляли тем, кто придёт после них.

— Зачем хранить это здесь? — спросила Вея.

— Наверху вешали на двери. Потом пришли из палаты и сказали снять: лишние надписи сеют панику. Мы сняли. А потом стали забывать, какая записка с какой двери.

— И вы перенесли их сюда?

— Бор сказал, что здесь камень дольше держит слова. Мы проверили. Табличка, которую наверху никто не мог прочесть, здесь снова стала обычной. Не все. Некоторые всё равно пустеют.

Она подняла одну и показала Вее. Дерево было гладким, но в середине оставалось углубление от стёртой строки. В углублении блестела вода.

— Я не знаю, что здесь написано. И не знаю, кто просил меня сохранить её.

Вея взяла табличку за края. Влага на ней собиралась в крошечные точки, но не образовывала букв. Можно было попытаться прочесть остаток памяти, если тот, кто её оставил, согласился. Только спросить было уже некого.

— Вы умеете? — спросила Яна.

— Иногда.

— Попробуйте.

— Это ваша просьба или просьба человека, который её написал?

Яна сердито выдохнула.

— Если бы я знала, чей это дом, я бы пошла и спросила. Зачем, по-вашему, я ношу их туда и обратно?

Вея положила табличку на камень. Её собственное прави-

ло вдруг показалось слишком удобным: она могла отказаться и уйти, а Яна останется с неизвестной просьбой и с человеком, который, возможно, ждёт помощи.

— Я могу попытаться узнать, есть ли на ней знак согласия. Без чтения самой памяти. Но не обещаю, что найду.

Яна помолчала.

— А если не найдёте?

— Тогда мы запомним, где её оставили и как она выглядит. Если найдётся человек, который узнает её, он сам решит.

— Вы и правда будете помнить?

— Я запишу, — сказал Тим. — Это надёжнее, чем обещать помнить всё.

Он достал из кармана карандаш и маленькую книжицу, в которой обычно записывал расходы мастерской. Вода размягчила обложку, но страницы внутри сохранились. Он нарисовал контур таблички, отметил скол на левом краю и место в коридоре.

Вера поставила лампу ближе, взяла из сумки немного соли и рассыпала по дереву тонкую дорожку. На гладкой поверхности стали заметны два следа: большой палец у верхнего края и круг, нарисованный в центре. В круге проступила слабая линия, перечёркивающая его пополам.

— Это что? — спросила Яна.

— Метка запрета. Кто-то её поставил, когда ещё помнил, что здесь написано.

Яна отвернулась. На мгновение Вея подумала, что та злится, но у девушки дрожали губы.

— Может, там было что-то постыдное, — сказала Яна. — Или опасное. А может, человек боялся, что мы его найдём.

— Может, — ответила Вея. — Но он оставил знак именно для этого случая.

— Тогда зачем вообще писать?

— Чтобы кто-то другой помнил, что он был.

Яна осторожно забрала табличку и положила отдельно от остальных.

Из коридора раздался голос Мирена:

— Вода прибавляется. У нас мало времени.

— Я слышала! — крикнула Яна, но собирать таблички стала быстрее.

Одно из колец над ними качнулось. Звук был едва слышен, как если бы тонкий бокал задела ногтем. Потом качнулось второе. Вода потекла быстрее.

— Это шлюзы? — спросил Тим.

— Их когда-то так называли, — сказала Яна. — Мы зовём их горлами. Если запоёт шестое, сюда нельзя будет вернуться.

— Почему?

— Потому что между шестым и седьмым никто не успевал.

Она сказала это без нажима, как факт. Но на внутренней стороне её ладони Вея заметила старые белые полосы — сле-

ды верёвки или цепи.

— Вы пытались?

— Мой брат. Я держала дверь. Не удержала.

Вея хотела спросить, жив ли он, но Яна уже подхватила корзину. Тим поднял седьмое кольцо, лежавшее у стены. Оно оказалось тяжелее, чем выглядело.

— Зачем ты это делаешь? — спросила Яна.

— Оно мешает пройти.

— Оставь. Его специально сняли.

Он опустил кольцо обратно. На камне под ним был вырезан тот же знак открытой ладони. Только один палец оказался стёрт.

Мирен вернулся и помог им перенести корзину через низкий порог. Яна приняла помощь молча, но, когда он попытался поднять вторую ручку, крепче сжала её.

— Этого достаточно.

— Хорошо.

Дальше коридор разделялся. Один ход поднимался к водосбросу, другой уходил вниз. Из нижнего тянуло теплом и пресной водой. Яна поставила корзину на камень.

— Мне туда.

— Сейчас? — спросил Тим. — Вы же сказали, что будет поздно.

— Я знаю короткую дорогу.

— Знаешь, пока вода не закроет её, — сказал Мирен.

— А вы знаете длинную?

Он помедлил.

— Нет.

— Тогда не отнимайте у меня короткую.

Вея вынула из кармана щепку с белой краской, полученную от Геры. Яна увидела её и побледнела.

— Она вам её отдала?

— Да. Ты была у неё сегодня?

Девушка ответила не сразу.

— Я оставила ей список. Она должна была передать его человеку, который спросит правильно.

— Кто это?

— Не знаю. Гера сказала, поймёт, когда встретит.

— Она передала мне часть.

Яна посмотрела на щепку и вдруг тихо засмеялась, хотя веселья в этом не было.

— Значит, опять изменила план. Она говорит, что план, который знают два человека, уже не секрет, а план, который знают трое, — объявление на стене.

— Там цифры. Четыре, девять, два. Что они значат?

— Я не знаю. Мне велели только отнести. А теперь простите.

Вея перехватила ручку корзины, не позволяя Яне уйти.

— Женщина на скамье. Ты видела её лицо?

— Нет. Она всегда отворачивается от света.

— А голос?

— Один раз сказала: «Спасибо». Очень тихо.

— Какой у неё голос?

Яна сжала губы. Вея уже знала, что спрашивает слишком много, но не могла остановиться. Восемь лет без ответа сделали каждую подробность драгоценной, даже если подробность могла оказаться ложью.

— Хриплый, — сказала Яна. — Будто она долго не говорила. И ещё... она проверяет хлеб, прежде чем взять. Сначала ломает край и смотрит внутрь.

Мира всегда так делала. В детстве она подозревала, что в булке могут запечь записку, и однажды действительно нашла записку: Тим, которому тогда было семь, спрятал её туда, чтобы никто другой не прочёл приглашение на его день рождения. Вея рассказала эту историю сотне людей. Любой из них мог повторить привычку сестры.

Она отпустила корзину.

— Спасибо.

Яна ушла в нижний ход. Тим смотрел ей вслед.

— Она может не успеть.

— Да, — сказала Вея.

— И мы её отпустили.

— Она знала, что делает.

— Не всегда это спасает.

— Не всегда.

Из глубины донёсся третий чистый звон. Мирен направился к выходу, и они пошли за ним. Через несколько шагов Вея обернулась: свет уже не доставал до развилки.

— Если Глеб тоже не захочет с нами говорить? — спросил Тим.

— Придётся убедить, — ответила она.

— А если не получится?

— Тогда услышать его отказ.

Мирен остановился так неожиданно, что Тим едва не налетел на него. На стене перед ними было вырезано имя, возле которого соль собралась плотной белой коркой. Вея увидела только конец строки: «...сын Мирена».

— Это мой отец, — сказал он.

Он стёр соль рукавом, открыл остальное имя. «Дан, сын Мирена. Просил оставить камень на месте».

— Вашего деда тоже звали Мирен? — спросила Вея.

— Да. Меня называли в его честь.

Мирен прикоснулся к буквам. Вода у его ног пошла мелкой рябью.

— Он умер до моего рождения. Мне рассказывали, что его унесло во время ремонта шлюза. Я не знал, что он бывал здесь.

Тим поднял лампу выше.

— Какой камень?

— Возможно, тот, что открывает дверь. Возможно, любой другой. — Мирен вынул чёрный камень из кармана, посмотрел на него и снова спрятал. — Я не буду решать за него по одной фразе, которую вырезал неизвестно кто.

Вея прочла надпись ещё раз. У последних букв была дру-

гая глубина, как будто их добавили позже. Не доказательство подделки — только признак, что руку писавшего прервали или человек вернулся к работе другим инструментом. Она сказала об этом Мирену.

Он взял её лампу и осмотрел надпись сбоку. Свет выхватил царапины вокруг слова «оставить».

— Я спрошу Севу, — сказал он.

— Она может соврать.

— Да. Но я узнаю, о чём именно она захочет соврать.

Четвёртый звон раскатился по стенам. Вода теперь заходила на ступни. Они двинулись вверх; лестница была скользкой, и Тим дважды едва не потерял равновесие. На последнем пролёте над ними послышался топот.

Мирен погасил лампу. Все трое замерли. Сквозь решётку водосброса проникал серый дневной свет, а вместе с ним — запах дыма.

— Пожар, — прошептал Тим.

За решёткой кто-то пробежал, крикнул: «К бочке!» — и шаги удалились. Мирен поднял засов. Железо сопротивлялось, но вместе они сдвинули его. Решётка открылась наружу; на камни перед ними упали пепельные хлопья.

Глава 7. пепел

Выход из водосброса оказался выше воды, за складом рыболовных сетей. Их встретил крик чаек и густой дым. Он поднимался со стороны улицы, где находилась мастерская Веи.

Она побежала прежде, чем Мирен успел что-то сказать. Тим догнал её у поворота. Дым стлался низко, цеплялся за мокрые стены. У двери мастерской стояли соседи с вёдрами; женщина из соседней лавки передавала им воду из бочки. Горело внутри, за заколоченным ставнем. Каждая щель светилась оранжевым.

— Там никого? — спросила Вея.

— Нет, — ответила соседка. — Я видела, как вы ушли.

— Мои книги...

— Крыша может упасть.

Мирен появился у неё за спиной. Он снял мундир, намочил его в бочке и бросил Тиму.

— Держи наготове. Если она войдёт, зовёшь меня, не идёшь следом.

— Я не войду, — сказала Вея.

Она сказала это так резко, что сама себе не поверила. Внутри был стол матери, инструменты, коробка с письмами Миры, не считая тех, которые Вея перечитала до дыр и запомнила. Ещё — тетради клиентов: чужие имена, адреса,

просьбы. Их нельзя было оставлять огню.

Она увидела у двери металлический ящик. Кто-то вынес его наружу и поставил под лестницу. На крышке углём был нарисован квадрат: Тим так помечал всё, что следовало спасать в первую очередь.

— Ты успел? — спросила Вея.

— Утром, когда вы разговаривали с водолазом. Я переставил ящик ближе к двери. На случай воды.

Соседка подняла руку.

— Я его вынесла. Простите, крышка открылась, и часть листов намокла.

— Спасибо, — сказала Вея, и слова прозвучали слишком маленькими.

Вместе с соседями Мирен сорвал ставень крюком. Пламя выдохнуло наружу, заставив всех отступить. Затем в окно полетели вёдра. Работа заняла целый час. Два раза казалось, что огонь потушен, и два раза из-под пола вырывался новый язык пламени.

Когда всё закончилось, от мастерской остались стены, почерневшие балки и стол без одной ножки. Вея вошла, ступая по мокрому пеплу. Там, где стояла полка с письмами, лежала горка обугленной бумаги. Она осторожно подняла один край: лист распался в пальцах.

Снаружи Тим спорил с кем-то из стражников. Мирен объяснял, что никого нельзя пускать под крышу. Вея слышала их через шум в ушах. Она нашла на полу серебряную иглу.

Кончик погнулся, но игла уцелела. Потом увидела жестяную коробку из-под чая. Крышка намертво прикипела, а внутри что-то постукивало.

Она вынесла коробку во двор. Мирен забрал её и поставил на камень, поддев крышку ножом. Из коробки высыпались пуговицы, костяные застёжки и стеклянная бусина. Мира в детстве собирала их, называя сокровищами людей, которые ещё не знают, что что-то потеряли.

Вея взяла бусину. Она помнила каждое письмо сестры, уверяла она себя. Первую строчку, последние слова, пятно от чернил на одном конверте. Но уже сейчас она не могла вспомнить, в каком письме Мира рассказывала про смешного преподавателя и как его звали. Потеря произошла прежде пожара; огонь только лишил её возможности проверить.

— Кто это сделал? — спросил Тим.

Стражник поднял обгоревший кусок тряпки. От него пахло ламповым маслом.

— Рано говорить.

— Кто-то запер ставни снаружи, — сказала соседка. — Они были открыты, когда Вея уходила.

— Запишите показание? — спросила Вея.

— Запишем, когда будет безопасно, — ответил стражник.

— Запишите сейчас, — сказал Мирен. — Я свидетель, что вы получили сообщение.

Стражник вынул блокнот. Соседка назвала своё имя и описала, что видела: ставни открыты утром; около полудня

слышала удар; когда вышла, ставни были закрыты, а из щели шёл дым. Она не видела поджигателя. Мирен попросил прочесть запись вслух. Стражник сделал это нехотя, но записал без искажений.

Рута прибыла, когда стражник ставил подпись. Она осмотрела двор, затем погоревшую дверь.

— Архивный материал мог оказаться здесь? — спросила она.

— Это частная мастерская, — ответила Вея.

— Поэтому я и спрашиваю у хозяйки.

— Вы спрашиваете, чтобы узнать, сгорело ли то, что искали?

Рута посмотрела на неё с досадой.

— Я спрашиваю, потому что огонь у стены — угроза всему кварталу. У нас и без него достаточно проблем.

— А у меня теперь нет дома.

Рута сняла перчатку, обнажив белый след ожога. На мгновение её лицо изменилось: раздражение уступило место чему-то похожему на сочувствие. Потом она снова надела перчатку.

— В верхней школе открыли комнаты для пострадавших. Я распоряжусь, чтобы вам дали место.

— Вы распорядитесь и будете знать, где я сплю.

— Да, — сказала Рута. — Буду.

Вея не ожидала честности и потому не нашла, что ответить. Инспектор оставила на бочке карточку с печатью и

ушла. Мирен поднял карточку и протянул Вее; та спрятала её в карман, не обещая воспользоваться.

На закате они перенесли ящик в дом Нины. Архивистка жила над переплётной, в двух комнатах с низким потолком. Она принесла верёвки, чтобы развесить мокрые листы, и отодвинула свой обеденный стол к окну. Тим раскладывал бумаги, Вея отделяла слипшиеся края.

— Письма Миры были в другой коробке, — сказала она, когда Нина спросила, что ещё удалось спасти.

— Мне жаль.

Вея кивнула. «Жаль» было единственным подходящим словом, и оно ничего не исправляло.

Мирен ждал в коридоре. Он не вошёл, пока Нина не позвала его пить чай. В комнате оказалось слишком тесно для его роста; он сел на низкий табурет и поставил чашку на колено.

— Глеб живёт в бывшем доме зрителей, — сказал он. — Я выяснил до обыска. Официально он болен и не принимает посетителей.

— Официально, — повторила Вея.

— Неофициально дом охраняют. Но сегодня стражу сняли к затопленным улицам.

— Вы хотите идти сейчас?

— До того, как её вернуть.

Вея посмотрела на мокрые бумаги. Нина уже взяла нож для бумаги и показывала Тиму, как отделить края. Они спра-

вятся без неё.

— Я иду, — сказала Вея.

Тим поднялся.

— Я тоже.

— Нет, — ответила она и, заметив его лицо, заставила себя продолжить: — Не потому что ты не справишься. Нам нужен человек здесь. Если Рута придёт за страницей, Нина одна не сможет отвлечь её и вынести ящик.

Тим обдумал её слова.

— Я согласен остаться. Но если понадобится выбрать между ящиком и мной, я выберу себя.

— Хороший выбор, — сказала Нина. — Я тоже выберу тебя.

Вея впервые за весь день улыбнулась. Улыбка не убрала усталости; просто дала ей место рядом со всем остальным.

Глава 8. дом смотрителя

Дом смотрителей стоял на границе старого и нового города. С одной стороны к нему примыкали гладкие белые стены верхнего квартала; с другой — деревянные пристройки, которые поднимали на сваях всякий раз, когда вода становилась выше. В окнах дома не было света.

Мирен остановился у калитки.

— Если он не захочет говорить, мы уйдём.

— Вы всерьёз предлагаете уйти, когда от него зависит ответ?

— Я предлагаю не вытаскивать его из дома силой. Есть разница.

Вея вспомнила собственные слова о согласии. В устах сборщика они прозвучали непривычно, но он не улыбался и не пытался выиграть спор.

— Хорошо. Попробуем попросить.

Дверь открыл человек в домашнем халате. Ему было за шестьдесят, но сутулость делала его старше. Он держал свечу так близко к лицу, что пламя освещало только нос и глаза.

— Я никого не принимаю, — сказал он.

— Глеб? — спросила Вея.

— А если нет?

— Тогда простите за беспокойство. Мы ищем бывшего писаря Южной палаты.

Старик посмотрел на Мирена. Тот вынул знак сборщика, и Глеб попытался закрыть дверь. Вея успела отступить; Мирен не стал удерживать створку. Изнутри щёлкнул засов.

Они постояли на крыльце. Потом Вея достала записку из кармана и прочла через дверь:

— «Найди ведомости у Глеба. Он помнит, где спрятал. М».

За дверью долго молчали. Затем засов снова щёлкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.